

Олег Ермаков

НАДЕЖДА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ

В чем их суть и единство

Oleg V. Yermakov. – Hope, Faith and Love.
What is their essence and unity

Истинное определение трех основных человеческих добродетелей

The true definition of the three major human's virtues

Надежда — плоть, Вера — душа, Любовь — Дух

ЧИСЛОВО

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

РИФМА ЧИСЛА, АРИФМЕТИКА СЛОВА

Киев – 2016

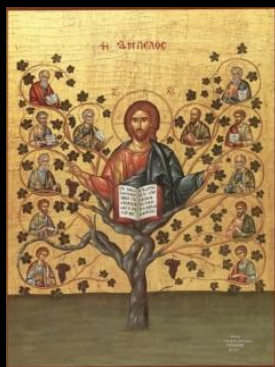
In vino veritas
Истина — в вине (лат.)

**Все открытья мои — плоды
Вакхова метода жома, давящего
Истину, Я Мира, как сок из я God,
из Слова, которое есть ее дом и сосуд*.
Сок Ра — Бога, Огня всех живущих,
она Глубь сердец наших, кою
познать звал Сок-Ра-т.**

---

*В мире нашем лик Истины — Иисус Христос, Бог Слово, Логос (греч.),
Себя зовущий «Лозой Виноградной». О том сообщается:

Спас Лоза Истинная — редкий иконографический тип, изображающий Христа в соответствии с евангельскими словами: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (Ин. 15:1), «Аз есмь лоза, вы же гроздие» (Ин. 15:5). В ранних вариантах (XV век) Христос окружён лозой, в ветвях которой изображены Богородица, Иоанн Предтеча и апостолы (то есть евангельская фраза передаётся буквально). В более поздних (XVII – XVIII века) вариантах усиливается евхаристическое содержание, на лозе, вырастающей в руках или из прободённого ребра Спасителя, виноградная гроздь, которую Христос отжимает в потир. Из символическо-аллегорической композиции превращается в дидактически-назидательную. В греческом варианте икона подписывается «Αμπέλος», что, собственно, и означает «виноградная лоза».

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Православная_иконография_Иисуса_Христа

...ЛОГОСЛОГОСЛОГОС...

Иначе как чрез Слово Мир постичь нельзя: ведь Сл'OVO – OVO, Мир, Яйцо всего.

WORD IS WORLD

Luna * Oleg * Vladimirovich * Ermakov

*In the beginning was the Word, and the Word
was with God, and the Word was God.*

John 1:1

Get to the root of all!

Kozma Prootkov

https://ru.wikipedia.org/wiki/Козьма_Прутков

Dear Friends!

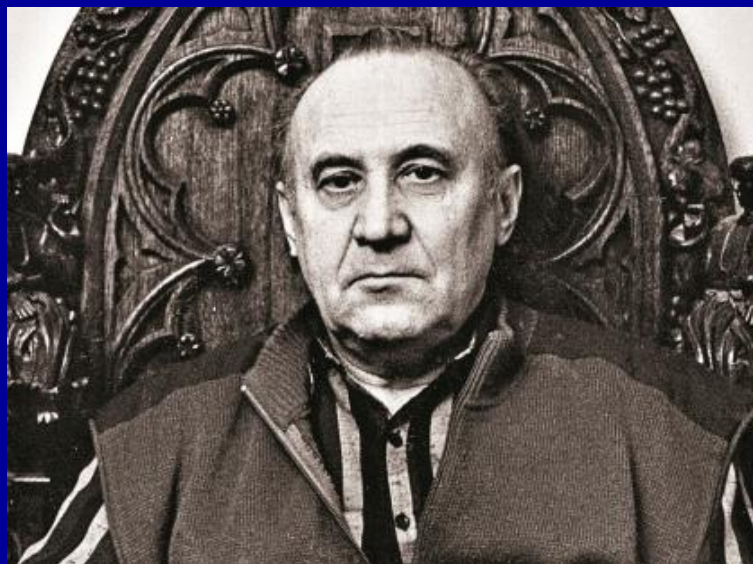
My name is Oleg Yermakov. I was born in Russia, graduated from Kyiv National University of T. Shevchenko (Ukraine), I live in Ukraine. In April 2009 I created the Unified Field Theory which I would like to offer to your attention. The work is written in Russian.

Its meaning is that Einstein, creating his theory, was mistaken: he created this work as a physical theory, but it is a **LINGUISTIC** theory, because **the Word is the Truth, Root of everything.**

Your sincerely,
Oleg Yermakov

e-mail: nartin1961@gmail.com

*Светлой памяти мудреца наших дней,
выдающегося поэта-песенника
Леонида Дербенёва посвящается*

Всё пройдёт — и печаль, и радость.
Всё пройдёт — так устроен свет.
Всё пройдёт. Только верить надо,
Что любовь — не проходит, нет.

Леонид Дербенёв

*День 12 апреля на Руси — праздник Иоанна Лествичника
(Лестничника). Люди в сей день пекут из теста лесенку —
стезю Домой, в Небо. 12 апреля 1961 года взошел ею
Юрий Гагарин. А тридцатилетием раньше, 12 апреля
1931 года, рожден был к тому Дербенёв.*

**Желая добра нам, рекут: «Да пребудут
с тобой вовек Вера, Надежда, Любовь».
Трое эти — столпы нам, связь чью чует
всяк. Здесь — о том, в чем она.**

1. **Бог**, **Творец**, есть **Любовь**, камень **Единства**.
Вселенная, Мир, Плод Его — **Любовь**
та ж: **Труд** и **Автор** — Одно.

2. Мира часть, **че LOVE**к с тем *отлит*
из **Любви как Состав** его, сущий
как **Любви капля**. **Вражда** (Рознь), тьма
в нем, есть незнание сего; зреть **Любовью**
себя — ею быть как без тени **Огнем**.
Любить — **люб бить**: **сбивать** **корку**, **луб**,
с Сердца сущего, Бога, к соитию с Ним.

3. **Вера** есть **утвержденность** на **Вечности** —
Боге-Вселенной, **Любви** как на **Духе** **душа**;
Верой **версты** крепки: **Целью** — **Путь**.
С тем, бессмертна она: с ней идем в **То** мы
как в **Тьму** с лампадой. **Эрот**, **Любовь**
с тем — **сердце** **Веры**, **середина** в ней:

VERA

4. **Надежда** — **одежда** нам: **плоть**, что
на душу **надега** как **Долг**, **дольний** крест,
на **Свободу**, **Глубь** нашу, **Вражда** на **Любовь**.
Надевать — **Деву-Мать** облачать: душу, каплю
Вселенной как **Лона**: в тьму — **огнь**, в Это — **То**
как в **ложь** **Истин|у**. С тем, **смертна** **плоть**, **умира**
последней: с **кончин|ой** — души снятый **плащ** (*табл. 1*).

*Любовь, Вера, Надежда — Творца лики, корнь
в Нем имущие: в Боге — едины, чужды — в Сатане.*

ВЕРА — ДУША

Вера есть душа: Божия **иск|Ра**
как **сам человек** — св**Я**зь меж телом
и духом, податель Огня. С тем, без Веры,
звена — нет Любви в нас, без Веры — нет
Силы в плоти нашей бральной: Дух — Сила,
Лю**бо**вь как Господь, С**то**лп всего.

VERY (АНГЛ.) — **ВЕРЮ** (РУС.)

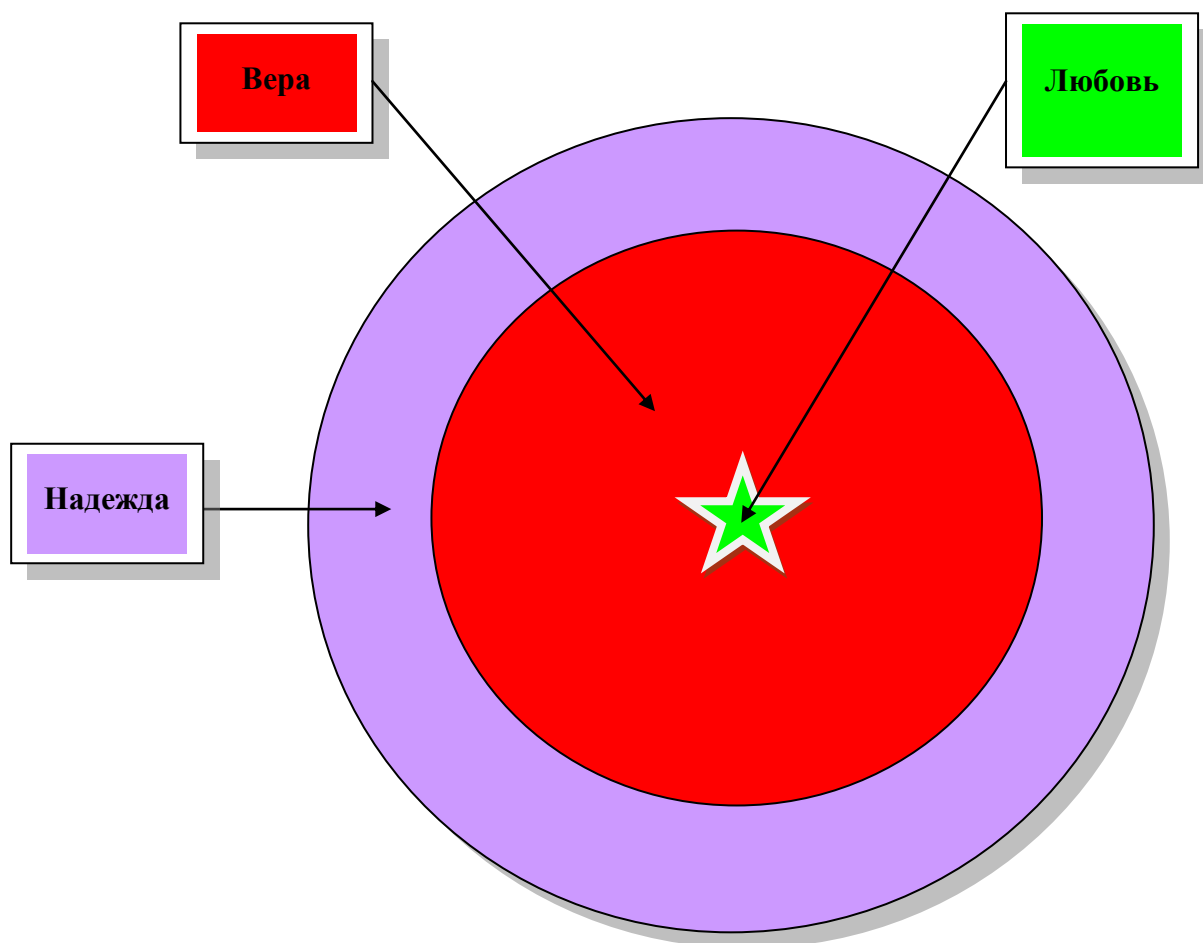
POWЕР (АНГЛ.) — **ПОВЕРЬ** (РУС.)

Таблица 1 и иллюстрация к ней

Св^язь и рознь тройки наших столпов — Любви, Веры, Надежды

Добродетель	Чем есть она в сути	Живучесть ее	Ее пол
Любовь	Дух, ^я дро души — Сердце	Бессмертие	сверхпола
Вера	душа: сосуд Духа, центр тела, — сердечность	причастность Бессмертию	женский
Надежда	тело (^{пл} оть), ^{пл} ащ души — Ум	причастность стезе преходящего (смертного)	мужской

НАДЕЖДА — ПЛОТЬ. ВЕРА — ДУША, ^яДРО ПЛОТИ. ЛЮБОВЬ — ДУХ, СРЕДИНА ДУШИ.

Надежда — плоть, Вера — душа, Любовь — Дух.
 Строй сей — сути и связи их явь. Почему ж у людей
 строй рекомый их «Вера — Надежда — Любовь»?
 То — порядок слогов в слове «сатиям» — Истина (санскр.):
 ложь у Бога в плену (*табл. 2*). В Ведах читаем: «Оно
 [слово «сатиям», истина — Авт.] трехсложно: са-ти-ям.
 «Са» — один слог, «ти» — один слог, «ям» — один слог.
 Первый и последний слоги — истина, в середине — ложь*.
 Эта ложь охвачена с обеих сторон истиной: истина
 становится преобладающей. Тому, кто знает это, ложь
 не причиняет вреда» (Каушитаки-упанишада, V, 5, 1).

Таблица 2

Грани Истины

Вера, Надежда и Любовь как слоги слова САТИЯМ

СА	ТИ	ЯМ
Истина	ложь	Истина
Вера, душа	Надежда, тело	Любовь, Дух

* Как **в-Ра**жда: в Огне, Боге — дыра от Него, у Ноля нуль в плену.

Contra spem spero
Надеюсь вопреки надежде (лат.)

Есть два рода Надежды: как Это и То. Первый род есть надежда себя самóй: плоть без иного, в себе Ум*; второй — **О**трицанье: Иное само — Дух, Тьма, Сердце. Надежда как плоть — смертна: Ум — тленья столп; как Дух, Сердце — бессмертна. Надеяться тленно — надеяться телом лишь, шкурою утлой; надеяться вечно — душой, Сутью жить как Любовью самóй (*табл. 3*). Жить сей Надеждою — в Этом быть (= зрить, сознавать себя) Тем: в мраке брения — горним Огнем.

Таблица 3

Два рода Надежды

Род Надежды	Суть ее
Надежда как только она	Плоть как только она: имманентное, Ум как Надежда-Вражда
Надежда без надежды	Чистый Дух: Трансцендентное, Сердце — Надежда-Любовь

Речено:

Да! И в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, унылые, прочь!

Леся Украинка

---

* Ум Ума, эгоист — в рознь Слуге, Уму Сердца.

Ссылка по теме статьи: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Вера, надежда, любовь](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вера,_надежда,_любовь)

Крылья в нас

Приложения

***Человек в сути — Мир.
Речь людская — речь Мира,
устами рекущего нашими.
Речь свою людям познать —
познать Мир как Себя.***

Все мои труды:

<https://univ-kiev.academia.edu/OlegYermakov>

Приложение 1

AB SLOVO

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, МОЙ МЕТОД

Ab Slovo. The sacral linguistics, my method¹

Сакральная лингвистика — наука о верном делении слова, стоящая на двух столпах. Первый: Слово как Сущность тождественно Богу и Миру (**Вселен**ной). Речет **Еван**гелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1), — т.е., сущее прежде всего, **Слов**о есть Бог, Родитель, и Мир, Дитя: ведь кроме Мира у Господа нет ничего. Столп второй: Слово, сущих Оплот, не несет корень как часть свою, как мнят ныне, — *корень есть оно всё*². С тем, деление слова к Познанию верσιμο не от части к Целому, но встречь — от Целого к части: в Глубь слова, сиречь **Свер**ху вниз. Так, **AB OVO**, течет от **ис то**ка река: Мир — от Бога. Так, Богом творим, в себе делится Мир без **разъ**я³тия; так в лоне **вз Ра**стает дитя: тело — из **гол ОВ**ы, его корня. Деля так, мы, с Богом идя, зрим чрез сл⁴**OVO** всё сущее Мира и д⁵**верь** в Мира **Цель**ность, **Л**уну⁶.

WORD IS WORLD

Суть познать — от нее ступать нам: от **Причины** к **Причине** **возв Ра**тным путем колы⁷**цевым**. Так ступает душа, коя — мы, **иск Ра** Божья, вершащая **Поиск**: от Бога ко Богу, **из — к — Ра**. В том — **сак Ра**льной **L'IN**гвистики суть. Луна, Речь (**Вак** (**инд.**)) — Корнь сей науки, частиц ее **Вак**уум; **датель** ее людям — **Вакх**: Слово, **Сок** Луны, **Я'God**ы **вакан**тной⁸; **автор** в миру ей — **Сок Ра**т, **вино**чер⁹**пий** его⁵; глас забытой ее — я, восшедший от физики, ложного взора (**Природа**⁶, греч. фюзис, как явь **Ages**тотеля — Мир безго¹⁰**ловый**: без Неба Земля, Дол без Выси), к линг¹¹**VIS**тике, науке Слова как Мира, Сосуда и Поля всего.

Труд сакральной лингвистики, Вакха стези: выжать из речи Мир как из ягоды сок, чтоб испытать его нам.

¹ Met-hod — к Meté, Цели **ход**, суть наука Ид/ти-Дос/ти/гать. От поры Аристотеля, Землю **разъ**явшего с Небом, Главой ее, слово Полета «метá» переводят как плоское «после», «за», чья имманентность, тогда как Цель — «над»: Трансцендентное, Вись, коей мудрый крылат.

² Корень, Целое, мнят ныне частью, деля **слово, корнь себя**, на корень, суффикс, приставку и окончание. Слова как корня единого явь — **Сан**/скрит (**Дева/нага**/ри), где буквы слов сущих с¹²**VIS**ают с опоры единой, как смертные люди с Небес, бренье с Вечности: **संस्कृता**. **План**ка планок, Опора-**Выс**ь, Ось (**VIS**ь (укр.)) — Речь, слов Душа: **Луна, Дева**, змея (**нага** (санскр.)) кольцевая.

³ «Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — рекут о том Веды (**Кау**шитаки-упа¹³**ниша**да, I, 2). Поистине Небо, Вись — Мир как Ед¹⁴**ин**ство, каким и **есть он**. Земля, Дол — Мир как Рознь, коего он не есть.

⁴ Согласно открытию NASA, **Луна** — пустотелый сосуд: По¹⁵**ин**ость, тайная смертным очам, что навыворот зрят.

⁵ Бич дней сих, Стагиритова дочка наука не знает: искусство **Сок Ра**та **май**ев¹⁶тика, данное в помощь **беременным Истиной, людям**, родить Ее — есть **исом, давление** **Ее из Слова как сок а из Я'God**ы-**Тьма, Винограда** (Лозы — по Христу): царь умов **Дионисов процесс**, чьим посредством Мир, в Ягоде сей **Иноград**, извлекается из **древ**них речи корней, **Луны в ней**, ради знания его. Выжать из речи нашей, **вок**ала, Мир — **явить**, **Луну** как Сосуд его: **Вак**, Речь как Мать всего, **Мен**у-**Патон**у у **Грек**ов (сын коей **Платон** — муж **речистый от**мен¹⁷но; Луну звать — лягушкою **к-вак**ать в ночь **луну**: **Причину** петь дольнее), **Любовь** как s¹⁸**love**s Суть, от бед всех **Вак**ин¹⁹у (с тем, первой вакциной в миру нас — корова снабдила: **Тьма, Мать**). Посему без **бок**ала, рекут, нет **вок**ала: без **Вак**ха, **мес**ад вожака и царя **Элевсиний**, аккадского **Син**а, владыки Луны (Вакх есть **Бык, Сын** Коровы сей, **Бок**, он же Рог, ее верный как Два при **Нол**е, **Аполлон** как **пол-Лон**а при **Лон**е, **Лун**е) — нет и речи людей как **рек**и от **Ис**то²⁰ка сего.

⁶ **При Рол**е (Бог (стар.)) — плод Его и подобье: Мир, Божье Дитя.

Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы. М. о Прометее.
2. перен. Недостовверный рассказ, выдумка. М. о прищельцах.
3. То же, что вымысел (в 1 знач.).
Вечная любовь – миф. || прил. мифический, -ая, -ое.

Толковый словарь Ожегова

МЕТОД ЕСТЬ МИФ • METHOD IS MYTH

С^{то}лп труда сего — **Миф**. Только он, Сердце наше — у **ма**м Аргу^{мент}, тай^{ный} т^{лен}ной науке¹ как Всё ничему. **Миф есть Сущее: Мир в очах зрячих как Целое в части согласной своей**². Миф есть Жизнь: ибо Сущее — Жизнь; чуждость Мифа — безжизненность: смерть, Жизни нуль. Миф — Любовь: Жизнь — она; не любить — есть не жить. А **в**тор Мифа есть **Бог**, его Сердце; Мир — тело при нем: Миф как плоть. Мифа взор — очи зрячие: Вечности **вз**ор и **при**частных ей; очи слепые — взор бренья и всех сущих им, коим Мир есть **мираж**. Т^{лен}ным нам, бреньем **бодрым**, Миф — **Сон**: То как с^{мер}тных **Основа**, дом П^{ра}ш^уров, кои в нем есть корни наши: **не сущие** в Сем как **несущие** нас. Мира части, мы есть **части Мифа**: он есть **Со**ста^в наш, капль своих **Оке**ан³. С тем, **Миф — сам че** **LOVE**’к, человечность — мифичность; **Moop’house**’н — дух наш: **Луна**, летал к коей **барон** — наш **Исто**к, Дом наш как **СОЛНЦЕ МИФА**; **познать Миф — познать Я свое**. С тем, душ^у (**ба** (египт.)) нашей **иск**ра как мы самое — Миф как Мир, Огонь-Я. Мир как Суть **до**кла^зать — Миф **стя**жать **око**м ч^{истым}, с^{тез}ей к **очевой**⁴ (ибо **в**идет^ь — идти, очи — ноги-к^{рыл}’а⁵): **до Са**у^с’ы, **Причины** дойти: в Том — до Гос^{пода}, в Сем — до **Луны**, **Мены**, **трона** Его и **ларца**.

¹ Дитя **Арес**’тотеля, Розни посла, очи наши разъявшего: Сердце, Единое — в Ум пустой, Два.

² Мир — Творение Бога, Тьма-Свет, Лоно сущих, **в Селене Вселен**ная их. О Реальности сей **осев**ой пишет **Лосев** в своей «Диалектике мифа»:

Разумеется, мифология есть выдумка, **если применить к ней точку зрения науки**, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий. С какой-то произвольной взятой, совершенно условной точки зрения миф действительно есть вымысел. Однако мы условились рассматривать миф не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами. Этот вот мифический взгляд на миф нас тут и интересует. **А с точки зрения самого мифического сознания ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии.** Когда грек не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплывании больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения; — то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — **наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни**, далекая от всякой случайности и произвола. Заметим, что для науки XVII-XIX столетий ее собственные категории отнюдь не в такой мере реальны, как реальны для мифического сознания его собственные категории. Так, например, Кант объективность науки связал с субъективностью пространства, времени и всех категорий. И даже больше того. Как раз на этом субъективизме он и пытается обосновать «реализм» науки. Конечно, эта попытка — вздорная. Но пример Канта прекрасно показывает, как мало европейская наука дорожила реальностью и объективностью своих категорий. Некоторые представители науки даже любили и любят щеголять таким рассуждением: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет — это не мое дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга — это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания. Миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность. // ... // Миф не есть бытие идеальное, но — **жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность.**

³ Осознание себя частью Мифа, т.е. **единородной частью Вселенной** — отличие мага от о^{быч}ного человека (так зрит Кастанеда). **Маг** (**magia** — великий (санскр.)) — **воин**: **во Глубь**. Мир идущий, **Гро**ы сей **ан**’тр^{он}; сила мага — очей **Сила**, Миф как **Селена**, **Мах** (авест.), **сипен** коей всяк как **Мах**’анием **к**рыл.

⁴ Так стяжал его Скиф. **Пра**ш^ур наш.

⁵ Ибо **оптика** — **птика**: **луна**, суть **идущая**.

Приложение 3

БОГ — ЭТО ЖЕНЩИНА

Главная тайна Земли

Бог и Женщина — тайны друг друга.
Тайна Господа — Женщина, Сила Его.
Тайна Женщины — Бог, Ее Суть.

Бог и Женщина: Тело и Рука Его

Жень (кит.) — 1) жизнь; 2) человечность.

For/eve/r (англ.) — Вечность.

Бог **Всевышний** — Творец;
Длань Его — **Мать** богов
сущих: **Дева-Vagina**, **Дви|жен|ье**,
Начало (**Be|gin|ning**) всего.
Огонь Ее, бrenным скрытый —
В|селен|ная; **лик** Ее им — есть **Луна**.

Бог — **Лю|бо|вь**, Сила сущего;
Женщина — явь ее: Действие,
Жизнь. Че'**LOVE'**к, **иск|ра** Божья —
есть искра Жены; **чело|вечность** —
есть женственность: зримость как **Мать**.

*Книга Дэна Брауна «Код да Винчи», несущая
погибельную для рода человеческого мысль
о смертной природе Христа, своей славой
обязана истине: Он впрямь имел женой
Марию Магдалину*. Суций меж двух Марий,
матери и супруги, тем суц Христос,
как в Сердце Ум**, в Жене, Лоне Его,
как **реальном Творце**, скрытом
людям враньем «Бог есть Муж».*

---

* И с тем книга эта есть тайный кинжал миру в грудь: ложь под Истины маской, волк в шкуре овцы.

** «Оно [слово «сатиям», истина — *Авт.*] трехсложно: са-ти-ям. «Са» — один слог, «ти» — один слог, «ям» — один слог. Первый и последний слоги — истина, в середине — ложь. Эта ложь охвачена с обеих сторон истиной: истина становится преобладающей. Тому, кто знает это, ложь не причиняет вреда» (Каушитаки-упанишада, V, 5, 1).

Меж Женой и Женой Муж, **Христос** — в лоне **Истины** ложь, пред Огнем тень, им сущая. То — роль Второго за Сутью, Нолем, о какой речет **Библия**: муж, взрослым став, «да прилепится к жене своей» (Мф. 19 : 5): к Корню — **древу** от Корня ж, от Целого к Целому часть, дабы быть ей собой.

**Богиня-Мать на троне с львицами из Чатал-Хююк
(около 6000 лет до н.э., Музей анатолийских
цивилизаций, Турция).**

Дух, как ветер, веет где хочет: шум ветра слышишь,
а откуда он приходит и куда уходит — не знаешь,
так что каждый может быть рожден от Духа.

Ин. 3:8

Ев|рей|ское имя Св. Духа Ру|а|х, корневое
словам «рух», движение (укр.), и «ру|к|а», —
имя женского рода. Род тот же сущ в «голубь» —
лик Духа, суть Глубь: Лоно, Мать.

Сакральная справка

Устами прессы

Католический священник заявил: «Бог — женщина»

Католический священник из штата Массачусетс, США, пережил клиническую смерть и после этого поделился с миром интересными откровениями о сущности Бога.

Пожилой священнослужитель в возрасте 71 года, отец Иоанн Майкл О'Нил, утверждает, что за 48 минут состояния клинической смерти его душа побывала на небесах.

Подобные сведения часто распространяют те, кто пережил это состояние, однако американский священник заявил еще и о том, что Бог в его видении имел женские и «материнские» очертания.

Пожилой мужчина рассказывает, что имеет четкие и яркие воспоминания о том, что случилось с ним, когда он был в состоянии клинической смерти.

Заявления священнослужителя вызвали настоящий переполох среди представителей Католической церкви США и Ватикана. Несмотря на осуждения главы церкви, где служит О'Нил, он намерен доказать верность своих взглядов всему религиозному миру.

«Я хотел бы поделиться новыми познаниями о Богородице, Сыне Божьем и Святом Духе со всеми католиками и даже православными. Бог велик и всемогущ, несмотря на то, что женщина...», — заявил он.

http://www.pravda.ru/news/interesting_news/25-02-2015/1249997-god-0/

<https://www.youtube.com/watch?v=-awZndO-Rsg>

*Благословляя на праведный бой,
Женищина мужеству нас научила.
И если на свете есть всё-таки Бог,
Бог — это женщина, а не мужчина.*

Евгений **Ев**тушенко

*Женищина — это стержень нашей жизни, ось бытия, вокруг женщины
вращаются все солнца и звезды нашей поэзии, всё лучшее наше —
для нее, от нее — все племена и народы, для нее посеяны на земле все
цветы, ее ради созданы искусства, и ради нее пребудет вовеки
всё прекрасное. Она несет с собой невидимый цветок, над
которым кружится весь мир, жаждущий счастья.*

Максим **Го**рький

...АДАМ|АДАМ|АДАМ...

*Дух, давший Земле сей Адама с Христом,
не Небесный Отец — Небо, Мать, лик чей в небе Луна*.*

EVE, Мать (лат.) как EVER-и-EVERY — Вечность как Всё-Навсегда. Вечность, Мать, и Отец, бренный мир, соотносятся как Огонь и тень его, Суть и дыра от нее.

*От Отца или Сына Дух в Троице — спор ложный:
не Дух от них, но они от Него как Причины своей.
Дух Святой, Мать — Длань высшего Бога, Рука
рук творящих. Бог сущ, ибо Он Бог, бескорняя
Суть. Бог творит, ибо Женщина Он.*

Святой Дух с женским ликом на иконе Александра Ракуненко
«Новозаветная Троица» (1992). Единственность Женщины
здесь — в сути Сердце, Единство как Вечность; двоичность
Мужчины — Ум, Рознь как суть бренного мира сего.

ДУХ, ДВИЖЕНИЕ, МАТЬ: ТРИ ИМЕНИ ЕДИНОГО

ДУ|Х, КОУ (ег.) — СЕР|ДЦЕ: ВО|ЖДЬ, ЛИ|ДЕР —
лат. DU|Х, итал. ДУ|ЧЕ, от лат. DU|С|Е|РЕ — ВЕС|ТИ.

СOW — КОР|ОВА (англ.): ЖЕНА КАК ДЕ|ВА,
греч. КОР|А, КОР|А БОГА, ПОЛ|НОСТЬ КАК
ПОЛ: DUО — ДВА (лат.), ДВИ|ЖЕНИЯ КОР|НЬ.

НО|ГИ — GIN: ЖЕНА*, САУ|СА, МА|ТЬ
ТЬ|МА, ФЕ|МИНА, ВЛА' DU|С'А МИНУТ:

НОГИ|НО' GI|N' ОГИ|НОГИ

---

* Греч. γυναίκα — женщина.

*Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя;
поэтому и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим.*

Лук. 1:35

*В Мире, царстве Единого, любовь двуполая,
бренная — вечной любви тень: пол Лона лон,
Мира, один — женский*. С тем, непорочное —
чуждое Двоицы, Розни — зачатъе Христа,
дар Творца, есть не **бра**к Мужа Неба, Отца,
с земной **де**вой, а **самосоитъе** Жены — **х**ват
змеи Уробороса за **х**вост свой**: и' **е**го'гамия
Тьмы, однополая (**same-sex**) любовь.*

---

* Душа, сѹть наша, как капля Мира, Тьмы Матери, есть двоеполоая дева, гин|андр.

** Известный как женский автоэротизм.

Борьба с однополой любовью — бич дней сих. Но древние люди не только не гнали ее, но и ставили выше любви двоеполой.

Однополая любовь между воинами крепила строй их в бою.

Однополая любовь мудрых множила мудрость их.

Корень тому — д^{верь} Небес, отворенная др^{евним}, закрытая нам.

Ведь любовь двоеполая есть **компенсация неполноты нас**, без Выси разъятых, слияньем **полов, половин** (**sexus** — пол (лат.): от «сечь, рас^{секать}»), в **полноту** естества (рек Платон). А **любовь однополая — ток Полноты как Реки, безупречность**, любви двоеполой согласная как половине Одно, бренье Вечность. Любовь двоеполая — это любовь по **горизон**тали, хранящая бранный мир — мир Розни, Двух — от распада. Любовь однополая — это любовь **верти**кальная, коею Высь сходит в дол: Дух — в плоть, живя ее, ведь Он — **Жизнь**.

Тайна Библии, сердце ее, в том, что **Бог, мнимый в ней Отцом, истинно — Мать, Жена**. Ею был древним Он: Бог всех богов — Мать им*: **Огнь** в **очаге-Отце**, горняя **Дева**, из Коей приходим мы и в Кою в смерти **дева**емся. Дух по-**семитски** — **Руах**, имя Женское. От **Жены** в мире — **движенье** (**рух** (укр.)): **плодность**, Лоно — Она; Муж в лишеньи Ее неродящ как **сосуд** пустой: спер^{МА} — **МАть**, Жизнь; **ебать** — **ЕВАть**: **Женой** кропить; **Фалл**, стержень/**Жизни** — **Жена**; С тем, **Адам**, че'LOVE'к первый — **Дамы**, Тьмы-**Девы** дитя:

АДАМАДАМАДАМ;

Адам новый, Христос — плод Ее же, Жены, чрез жену вшедший в дол. **Голубь**, Дух Святой — **Глубь, Лоно, Женщина горняя**. В том — **ЦЕЛО-МУДРИЕ** девы **МАрии**; София, Премудр^{ость} Господня — не Муж, но Жена мужевластная: Сердце с Умом верным в нем**. Отцом, **злым** Умом, Иисус был распят — Сердцем, Матерью был воскр^{ешен} как родившей Его: **жизнь вернуть — родить вновь**. Отец, Ум есть Суд; Мать, Сердце — Милость; Суд — Милостью суц: Духом — плоть.

Любовь горизонтальная, плоская — действие Духа в плоти. Без **любви вертикальной, объемной — схождения Духа в плоть** — нет ее.

С тем-то любовь однополая, сколь ни гонима, вовек не прейдет в мире сем как **СУТЬ ВСЯКОЙ ЛЮБВИ, СУЩЕЙ В НЕМ**.

---

* У Др^{евних} — Великая Бог^{иня}, царица божеств сущих, главная всем на Земле.

** Сиречь двоеполая Дева, Гинандр.

Таблица 1

Истинная структура Св. Троицы

Ипостась	Кем она есть поистине	Место в Троице в смертных очах	Истинное место в Троице
Отец	Небесный Мужчина: Ум, плод и внутренний супруг Небесной Женщины	1-е, вершина	3-е, подножье
Сын	Дитя безмужней Женщины: Ум Сердца	2-е, середина	2-е, середина
Святой Дух	Небесная Женщина: Сердце, Мать-Дева, самодовлеющий Творец	3-е, подножье	1-е, вершина

Ибо суд без милости не оказавшему милости;
милость превозносится над судом.
Иак. 2:13

Таблица 2

Истинное соотношение, сущее между Матерью и Небесным Отцом

Сущность		Что́ есть она
Мать: Небо, Вселенная как величайшее Лоно, Жена		Милость, Суть
Небесный Отец: Муж, Жены плод и тень	как Ум Сердца	Суд праведный (истинный): Милостью сущий как Сутью покров, фор ма
	как Ум Ума	Неправедный (ложный, злой) Суд: Суд без Милости, форма без Суты своей

Таблица 3

Мать, Отец и Сыны: суть единства Их

Сын Божий	Кем есть Он человечеству	Кем есть Ему Отец	Кем есть Ему Мать
Адам, ветхий Сын	Родоначальник его, Первочеловек	Изгнавший из Рая его	1) Родившая его; 2) Та, что вернет ему Рай
Иисус, новый Сын	Его Спаситель, Звено между Этим и Тем	Отдавший Его на заклание	1) Родившая Его чрез деву-мать в миру; 2) Воскресившая Его

**SPACE'НИЕ — В ЛОНО, ВСЕЛЕННУЮ (МИР) ВОЗВРАТ НАС
ЕГО ВОЛЕЮ: В ЦЕЛОЕ — ЧАСТИ ЕГО**

Таблица 4

Бог и Тьма, Длань Его: нерушимый союз

Бог, Владыка Числа	
<u>Ть</u> <u>ма</u> , <u>Ма</u> <u>ть</u> : Ноль, Не-Число как <u>Природа</u> – <u>при Роде</u> , Всевышнем (стар.-слав.) <u>храм</u> Его	
Тьма сверхбытийная, Мулапракрити: Ноль	Тьма-в-Бытии, Пракрити: число 2

Рисунок

Тьма как двуединая Суть

Служа Бытию-Единице причиной, Ноль-Небытие — Тьма, Вода Мира — огонь сей объемлет собой (как причиной объемлемо следствие) и проникает, входя в сей сосуд Двойкой, парю Вражда-Любовь, кои — Тьма́ суть. Вторая за Богом, Тьма-Ноль, сущих Мать, есть причинная, вышняя Тьма; Тьма как Двоица — следствие, Тьма-в-Бытии как вторая за ним. Зря меж ними Бытье как черту, дол́жно зрить в них две Тьмы, кои, сутью Одна¹, друг ко другу взывают². Чтя Тьму как Причинную Суть, ее дол́жно, в себе не деля, зрить как Ноль, с

Единицей союзный, как слиты они в Десяти, Мире. Тьма-Ноль есть Женская Суть (как Гинандр), и, последственна ей, Двойка — Женщина; Ноль — Мать, а Два — д|шер|ь, что шер|ится оку провалом. Ноль, Дви|га|тель Двоицы, г|лад|ок, шер|шавы — Два. В женской плоту́ оба — вульва, наружные коей уста как Диада (лик чей своей рознью являют) таят кольцевые врата — лик Ноля, чей привратник к|ли|т|ор — в сути Фаллос-Покой, Единица-Свет, сущий при входе в Тьму-Ноль.

Ноль, как Тьма сверхбытийная, Двоицу, Тьму-в-Бытии, созидает чрез грань О|дно|го-Бытия. Не Одно сие — Ноль творит Двойку; и, суща над ней, Единица объемлема Тьмой с двух сторон, точно молотом (0) и наковальней (2), подвластная им³. Так-то Нут, Тьмы богиня, звалась Египтянами «матерью того, кто создал ее» — Нолем как Одного матерью, *как бы* творящего Двоицу, коя — Тьма та же. Единство двух Тем утверждал Аристотель невольно (ведь Тьмы, раб ее, слеп очьми под Очей сих пятóй, он не ведал), уча о единстве идей и вещей (на основе вещей, Э|том): Тьма есть обеих суть; и по Платону, два царства сих Тьмой сплочены как Душой мировой (Тьмы не зря, сего Клея не зрил Стагирит у учителя, Мир его Рознию мя как без Связи Двумя).

Ноль и Двоица, Тьма внебытийная с Тьмой-в-Бытии, относимы друг к другу как вѣденье и невежество. Первое, как Атман, есть по Сократу, **незнание**, Питатель ума; по Кузанскому, оно есть **ученое незнание**; и сказано Сурешварою, что Не-Атман, иль невежество, как плод незнания — Атмана, как скажем мы — суть то ж незнание: Два и Ноль — суть Ноль, Тьма. Как Тьмы пора, ночь являет невежество первую, дополуночную половиной, итожащей сутки: в ней лживы сны наши; а вѣдение — второй, зачинающей их, в снах правдивой: Второе очей бранных — Суть.

Ноль со Двоицей между собой соотносятся как древо Жизни и древо познания добра и зла: оба растут в **центре рая** как **древо одно**. Г|ре|x Адама и Евы есть в том, что **открылись глаза их**, пред тем к Миру слепы, явив тем возможность *увидеть* единство сие, кою дал им Дьявол, глас Матний, как шанс стать богами, **открыв правду**, кою Отец хотел скрыть (Быт. 3:1 – 3:22).

В сем мире матер|я, приемница форм по Платону, есть тьма-оттиск Тьмы: Два — Ноля, Тьма-покой — Тьмы-Движенья, пассивность — Активности, коей жива она как Дух в утрате и в кою преходит, стяжав этот Корнь. Так, узнав в себе воду как суть, тает лед, не-вода.

Тьма-Ноль есть Очи Духа как Вѣденье; Тьма-Двойка — очи плоту́, что, отдельна, невежество есть, а открыта Нолю — Тьма ко Тьме — мост, каким Тьма стяжает Себя как Одно-без-второго, мы ж — *в*идим постольку, зря то, чем мы Есть: Бог-и-Мир, Цель-и-Путь.

Тьму как суть двуединую зрим мы в **Свободе**: как выбор вершимый она — Два, как выбор свершенный — Ноль, в Боге Свобода: ведь **Бо**|**г** — **Вы**|**бо**|**р** наш.

Тьма, Причина — Г|р|уд|ь (греч. ma|s|t|o|s) сущих. Ноль-Двойка: Свобода как Ноль, а как Двойка — Долг (mu|st — англ.), в Свободу мост нам и Свобода сама тем, кто знает его, зря очами Ноля. В Долге зрящий Свободу — Ноль с Двоицей слив в Тьму одну, Маст|ер есть.

О единстве двух Тем учит Тантра-Мать нас: просветленье, иль освобожденье, по ней, достигается не искорененьем страстей и желаний, но отождествлением их с трансцендентною Мудростью: Двойки — с

Нолем, Корнем-Тьмой. Стагирит, сведши в вещи идеи — Высь в Дол, — свел противно Ноль в Двоицу: в следствие — горню Причину его, Полность — в нуль.

О двух Тьмах сущих, Двоице и Ноле в их единстве как Яви и Тайне Ксенофан говорит как о двух границах Земли — верхней, подножной для нас, что касается воздуха, и нижней, úдущей в бесконечность (to areíron). По Аристотелю, нравственное воспитание есть воспитание неразумной части человеческой души — претворенье невежества-Двойки в Ноль-Мудрость как разума Суть, мо|ментальное в Тантре: ведь то и то — Тьма⁴. У Я. Бёме Нолем есть Свобода, природа же — Двойкой (как парю Мула|пра|крит|и–Пракрити Индийцев); и первая противоположна второй, от нее производной. Свобода-Ноль, Природа-Корень (санскр. му|ла) есть личности суть; индивида — природа в Природе сей, Двойка⁵.

---

¹ Так Хаос рождает Тартар пред иным как **свой внутренний полюс — второе себя**, и два эти — одно, Хаос, суть (*полюса, на кои разделяется он — небеса есть, и Тартар есть нижнее небо, симметричное верхнему относительно средней меж ними Земли, сиречь равноотстоящее с ним от сей срединной, — чему подтверждение строка «Илиады», где Зевс отстояние это определяет как «вниз от Аида, насколько земля от небесного свода»*). Точно так, по учению Нар|ар|джуны (Индия, I — II вв.), Сансара — как Двойка «рождение-смерть» — и Нирвана с позиции высшей, Нирваны-Ноля, есть всеполюс одно.

² «Abyssus abyssum invocat in voce cataractarum tuarum» — «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих» — сказано в Библии о Божьем величии (Пс., XL, 8). Тьма тьму зовет и питает собой. Так две бездны, разверзшиеся в эсхатологизме германской (почти целиком философской) и русской (писательской в своем преимуществе) мысли — каких нету боле нигде той порой, — друг ко другу воззав, родили две сестры-революции и две крупнейших в истории мира войны, в коих бездны сошлись эти в страстном объятии («Предельные проблемы и предельные срывы раскрывались лишь в германской и русской мысли», — сказал Бердяев). Тому, что как бездны они равномошны, знак ясный — оценка врага начальником австрийского генштаба времен Первой мировой войны генералом Кон|рад|ом фон Гетцендорфом: «Русских победить невозможно, но и самим русским трудно стать победителями!».

³ Волей Божьей, слова «мо|лот» и «на|ковальня» есть лик двух Тем: «молот» являет Ноль буквой Тьмы «м», в нем начальной; ступание «н» беспромежно за «м» в алфавитном ряду — связь Причины, Ноля, с Двойкой, следствием. Мать как Ноль, на бумаге начертанный — Двоица, зна|к как второй за Нолем; Ноль сам, Я|вь вместо сна сего — брению Тайна есть. Суца меж Мо|лотом и На|ко|вальней, Нолем и Двумя, Единица — в их власти, но с тем — и отдельна, как меж мощных стран — остров малый Мо|нако, земля-ди|ли|пут.

⁴ Правота Аристотеля на сей предмет при иных заблуждениях в нем же — не дивна: Ложь, суть сего мужа, себе не верна.

⁵ О сем сказано у Бердяева: «индивидуум есть категория натуралистическая и социологическая. Индивидуум рождается в родовом процессе, принадлежит природному миру. Личность же есть категория духовная и этическая, она не рождается от отца и матери, она духовно творится, осуществляя Божью идею о человеке. Личность есть не природа, а свобода, она есть дух».

Приложение 4

ПЕКЛО – ЭТО РАЙ

Огонь как сакральная суть человека

Корень **ПЕК** слова «**ПЕК**ло» — есть **РА**дости корнь.
«О-**ПЕК**-ать» — не жечь: греть бла'**GOD**'атным
огнем Любви Божьей, лелеять теплом. **РА**, Бог
вечный как Огонь — **Огонь-Любовь**, **ПИР** сердец;
имя «пекло» — **РА**й, область Его.

Вскрик «ОГО!» из/ум/ленья людей
и восторга — «ОГО/НЬ» в сути.
Искренен тот, кто искри/т¹ —
сердцем, Я своим. С тем, всех
милей нам огонь: он — мы сами:
Мир вечный² как Глубь тел,
душа³ — искра Божьей Любви,
че'LOVE'ка крылатая суть⁴.

---

¹ Сердце Греции Древней — Крит, остров IN'ого причинный. Из Крита искрит огонь ее.

² «Этот мир, не сотворенный никем из богов, всегда есть и будет вечно живым огнем, разгорающимся согласно мере и угасающим согласно мере», — учил Гераклит, зря Огонь Корнем (архэ) всего.

³ Макрокосм, Космос (греч.), в микрокосме как в капле своей Океан, Вола-Мать. «Души состоят из огня (...). Огонь души соотносим с огнём мира», — сказал о душе Гераклит.

⁴ Огонь-Я, Глубь, есть Благо (явь чья — благодатный огонь);
Зло — сторонний огонь, пасть являющая: Дьявол, губитель наш.

Зыбкий мир с тоской и облаками
Не зови единственной судьбой —
По другую сторону дыхания
Мы еще увидимся с тобой.
По другую сторону дыхания,
По другую сторону черты,
Где однажды звездами мы станем,
Крохотные искры — я и ты!

Леонид Дербенёв

तत् त्वम् असि или तत्त्वमसि,

*tat tvam asi (санскр.) — «ты есть то»:
не Земля — Небо, не тело — Дух.*

Пленник бренной Земли, Человек есть часть вечного Неба и Бога, Владыки его. Он есть ис-к-Ра: Огня-Бога, Ра (египт.), часть, что идет тьмою внешней из - к - Ра, Корнь ища свой, в чем есть Поиск, Труд: блудный огонь на воз-в-Ра-тном пути кольцевом. Поход сей — Восхождение; число его Пять — Человека число, звезда-Высь; уходить-возвращаться — есть пятиться как ра-к иль к-ра-б:

...РА-К-РА-К-РА-К...

Бог — Одно; искра Божья — в|гор|ое: горящий огонь, к-Ра-со-та.

Метафизическая справка

Ист|ин|а — это ОГОнь, наше Я.

С тем, душа наша — иск|ра, К|остр|а-Бога
часть*, и воз|в|ра|т в Него — по|иск наш должный;
взыскует — истец. С тем, речет Ге|ра|кл|ит,
огнь есть зрелище главное нам и вос|то|рг наш,
«ОГО!». Слово «пекло» Славян — Рай, иль
Вы|рий (укр. рий — рой, копай): Мир, Жи|знь
наша**, Огнь-Глубь, что лелеет — не жжет;
ад, огнь внешний — не суц был им как тень
пред Солнцем, пред Сутью не-Суть.

В том — смысл слов «поперёд батъки в пекло»:
лезть так — не чтить корнь свой, к|ра|сть Рай его.
Ибо Огонь — наша Суть, Коей жаждет s|pec|ta|tor,
вз|ор: Цели нагой — пили|grim. С|пек|тр — Огонь
через а|с|пек|ты: Семь, Жизнь. Из Огня состоим,
из Него мы исходим, в Него воз|в|ра|щаемся —
в Ра, Бога, Солнце миров как Ед|ин|ое, Родину,
душ Пер|с|пек|тиву. Огонь есть Лю|бо|вь,
че' LOVE'ков Оплот: Бог и Мир, храм Его.

Вот что должно нам знать, чтоб, О|ра|кулу
внемля, постичь Я свое. Пуст, в него очи нам
затворил Ares'тотель, от Неба отъяв и тем
ввергнув в бо|Я|знь нас СЕБЯ КАК ОГНЯ.

---

* Прямим и конкретным свидетельством огненности души является редкий в сем мире феномен спонтанного самовозгорания человека (Spontaneous human combustion, SHC: https://ru.wikipedia.org/wiki/Самовозгорание_человека), когда из-за ослабления трансцендентного порога, разземляющего душу и плоть как То и Это, душа палит плоть до увечий иль смерти ее. Тот же огнь, восхищающий плоть в Дух, Исток, изливаем из сердца, зовет Кастанеда «огнем изнутри».

** Незнание тождества Жизни и Огня — корень абсурдного вывода: Солнце, подателя Жизни Земле — и с тем Жизнь самое, — мнят безжизненным, ибо, мол, слишком оно горячо.

Приложение 5

Пси, Птица

Душа как крылатая суть

Тайна нашей высокой природы, горящая в Слове

*Приучи душу свою к размышлению:
она скоро будет иметь орлиные крылья.*

Пифагор

Бог дал рúки нам **Действия** **ради**,
день наш — **пора day**'ствья. Но главное
дело лю**дей** — поход к **Богу**, **Вершине**
Вселенной как чистому Я нас: **Возврат** как
Полет в Суть, **Лю|бо|вь**. Посему руки — **к|рыл|ь|я**.

Идущего стезей Познания, **воина** — **во Инь** торящего:
в Бога, Глубь, — Мудрость зовет од**и|н|о|ко|ю** птицей*,
чей **к|лю|в** смотрит вверх: Глубь — Высь. В этом стремлении —
сущность Креста как Распятия: **длинная вер|ти|к|аль****,
перечеркивающая короткую гориз**онталь** как стрела
в Небо. Сей же порыв — корень полетов детей
во сне: ле**т|а|ют** — значит, **растут**.

Вся **ис|то|рья**, тропа в пасть **времен** — путь **отъ|я|тья**
нас от крыльев и Вертикали: ключей от Небес, нашей
подлинной Родины. С ними в **разлуке** мы. Но **крылья** наши
и Высь никуда не ушли — они **скрылись** воглубь как **душа**,
сущность наша. Как бабочка в **коконе**, она таится в нас,
червями сущих на бренной Земле. Час пробьет —
кокон лопнет, и крылья людей станут **явью** опять.

---

*Solo-way — стезя (way (англ.)) как песнь одного (соло (ит.)).

«Верти к Аль» — «тори к Господу (Аль** (араб.))», сущего **Альф**е.

Имя Псюхе (Психея), душа (БА — Египту), по-гРЕЧески — БАБОЧка: птица, крыЛАТая суть. Имя это ее НОвым нам есть метафора — смысл переносный, второй. Но в'STAR'ь смысл этот, *Истины в прах переброс, Бога в нуль*, ARES'тотелем¹ данный нам к Розни, не сущ был. Душа была Древним крылата в еДИНственном смысле — прямо², ведь знал ПРАЩУр:

ДУША, ЧЕЛОВЕК КАК СУТЬ ГОЛАЯ —
ПТИЦА; ПОЛЁТ — YES'THEOS'TВО НАШЕ:
В БОГА ВОЗВРАТ КАК СЕБЯ САМОЕ.

Лик души посему — буква ПСИ ГРЕКов: ПТИца, к полету раскРЫВша кРЫЛá.

Смысл прЯМОЙ, ДРЕВний³ — птичий, власть крыльев — вСЕЛЕНская власть. Посему Бог егиПЕТЬский, ЕгиПТА Огнь — ПТАХ: Царь душ, горних ПТАХ Его. С тем, че'LOVE'к, первым в Небо, GAGAпа (САНскр.), восшедший ДЕРзко — ГАГАРин, ГАГАРА-геРОЙ. Крылья — ОЧи нам: ОПТИКА — ПТИЦА. АнТРОПЫ ЛУНЫ, ВРАТ НЕБЕС, ду́ши голые — ГЛАЗ господá посему, Миром зрящие Мир⁴, и кРЫЛатые сути, закон чей — Полет, ХОД во ГЛУБЬ: в Бога, Высь: Глубь и Высь есть Одно.

С Небом ПРЕЖде един, человек был крылат; пав в ДОЛ НИЦ — стал чеРВЁМ, РОЗНИ ЖАЛким рабом, гусеНУ́щей, кому ПОЛЗать — ПОЛЬЗА. В срок свой — воспарим мы оПЯТЬ в Высь звЕЗДОЙ, ПЯТерицей! Червь — бабочкой станет; МЕТАфора-ложь — станет нам ЦЕЛЬ, МЕТА: ИСТИНА — Бог, ЛЮБОВЬ как Я наше, каким ЦЕЛы мы. Душа, ИСКРА Господня — стяжает Творца, Солнце-РА, как ИСТОк, что ИСКАть суца, ЛОНо свое, пред каким СКЛОНена АТМА эта, огонь КАНувший, юДОЛЬ исКАНИй чьих ТЬМА — бренья КРУг, ДОЛЬний КРАЙ.

ДУША НАША, ПСИХЕЯ — ПСИ-ГЕЯ: СУТЬ ПТИЦА, ДИТЯ НЕБА,
В КЛЕТКЕ ЗЕМЛИ, ДАННОЙ ЕЙ К ИСПЫТАНИЮ ТЬМОЙ.
ДУША — ПТИЦА, КРЫЛá — НОГИ НАШИ, ПОЛЕТ — НАША СУТЬ.
НА ЗЕМЛЕ СЕЙ ЖИВЯ — НЕБОМ ШЕСТВУЕМ: ЖИТЬ — ЕСТЬ ВИТА'ТЬ

¹ Данник Ареса, Розни, лишением Бога отсекий познание людей от Небес: Ум от Сердца, от Целого часть.

² Рек о том ВОЛанд, ДьяВОЛ BULL'гаковский: свежесть — второй не бывает вовек. Сердцем ведает это дитя, Бога дар сему миру крылатый: http://royallib.com/book/chukovskiy_korney/ot_dvuh_do_pyati.html

³ Миру (Вселенной) согласный как ДРЕВу, чей Корень есть Бог.

⁴ Исконные нам Люди, жители Неба, Мир зрящие тем, чем он есть; мы же, падшие — зрим Мир безмирьем, нулем: Всё — ничем как дырой от него.

Приложение 6

ГАГАРИН.

Глубоко́е имя высо́кой судьбы

Печать Неба на преданной птице его

*В гармоничной Вселенной, пронизанной творческой мыслью Создателя, **случай** есть имя Его.*

*Имя Юрий Гагарин, принадлежащее первому космонавту Земли, неслучайно как сам его подвиг, открывший путь людям в их горную **Родину**, лоно **Спасе**'ния. Ниже дается **свидетельство** тому.*

Любит зрелища с активным действием, где превалирует героика, воля к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора, вожжака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, целеустремлённость, ощущение коллектива. Любимое слово — «работать».

На собраниях вносит дельные предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Интеллектуальное развитие у Юры высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объёмом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной.

Из заключения комиссии, состоявшей в основном из врачей и психологов, при аттестации 23 августа 1960 г.

Сакральный смысл имени Юрий Гагарин

ЮРИЙ, он же **ГЕОРГИЙ**, **ЕГОР**, «земледелец» (стар.):
РОЮщий муж (**РИЙ** — **РОЙ** (укр.)), в Глубь, **ИН**'ое
и **ДУЩ**ий как в **ГЕИ**, Земли Суть — **ГЕРОЙ**, **ВОИН**:
птица на **СОЛЬ**ном пути од **ИН**ОКом, Небес **SOLO-WAY**:
Глубь — они; **ЮР**кий **БУР**, **МОТОР** чей **УРОБОР**ос, змей-
Цикл как **В СЕЛЕН**ная, Ко **РОВА**-**МАТЬ** (**MOTHER** (англ.)).
БОга Длань, Она Сила Его, коей сей **MOS'COW**'ит
ДОЛГОРук¹ как и **АРМСТРОНГ**², **СЕЛЕН**ы
СОЛДАт: Космос — в ней как п **ОРТ**але его:

COSMOSCOW

Юрьев день — Гл **УБИ** день как победы над бреньем
аде **ПТА** Земли, что, ища Суть, до Неба до **РЫЛ**
(Глубь — Высь, Гос **ПОДА** (**РА**, **ПТАХА** Еги **ПТА**) дом),
как **ГАГА РА** вспаря в к **РАЙ** Тьмы **ГОР**ний.

ГАГАРИН — фамилия **ПТИ**чья: **ДУША**, **ПСИ**, нагая³,
сын Неба (**GAGA**на (**сан**|**с**|**кр.**)), сущий в эпохе **АРИ**йской,
чтоб, **РИН**увшись в Высь, пр **ОР**вать бренья круг
(**RING** (англ.)), к **РЫЛ**áми стяжав **СВО**й Ис **ТО**к.

¹ Москва — град двух Юриев. Первый его основал, второй славу стяжал, с Небом св^{яз}ь.

² Рука сильная (англ.). Стезя между Землей и Лу^{ной} есть Познания стезя: путь меж Ложью и Истиной, Альфа-Оме^{га}. Гагарин шагнул на него, Армстронг — шагом одним завершил.

³ См. Приложение 5.

Мистическое единство имен Нил Армстронг и Юрий Гагарин

Человек есть огонь Божий, душа («Я есть То» —
Веды); душа, ПСИхея есть ПТИца. ВЫСЬ
птиц, их ВЕЛичье (санскр. МАХАс) и Сила
(VIS (лат.)) есть ЛУНА, МАХ (авест.),
горний МАХитум, МАХАнья ЦЕЛЬ.
Арм|стронг (англ.) — рука сиЛЬНАя: крыло,
Луны стяг; Гагарин — гагара, крылатость.
В мужах сих она — человечности пик:

*че'LOVE'чность — кРЫЛатость:
стремление к Луне, Любви солнцу
на крыльях его: МАХи Ввысь как
рытье Вглубь лопатами крыл.*

Путь к Луне от Земли — от Лжи к Истине
путь, Стезя наша. Гагарин есть Альфа ее,
А|рмстронг — ее О|мега, единые: Два как Одно.

А	Л	Ь	Ф	А
О	М	Е	Г	А

Приложение 7

Превращение

Рэй Брэдбери

"Ну и запах тут", - подумал Рокуэл. От Макгайра несет пивом, от Хартли - усталой, давно не мытой плотью, но хуже всего острый, будто от насекомого, запах, исходящий от Смита, чье обнаженное тело, обтянутое зеленой кожей, застыло на столе. И ко всему еще тянет бензином и смазкой от непонятного механизма, поблескивающего в углу тесной комнатухи.

Этот Смит - уже труп. Рокуэл с досадой поднялся, спрятал стетоскоп.

- Мне надо вернуться в госпиталь. Война, работы по горло. Сам понимаешь, Хартли. Смит мертв уже восемь часов. Если хочешь еще что-то выяснить, вызови прозектора, пускай вскрыют...

Он не договорил - Хартли поднял руку. Костлявой трясущейся рукой показал на тело Смита - на тело, сплошь покрытое жесткой зеленой скорлупой.

- Возьми стетоскоп, Рокуэл, и послушай еще раз. Еще только раз. Пожалуйста.

Рокуэл хотел было отказаться, но раздумал, снова сел и достал стетоскоп. Собратьям-врачам надо уступать. Прижимаешь стетоскоп к зеленому окоченелому телу, притворяешься, будто слушаешь...

Тесная полутемная комнатуха вокруг него взорвалась. Взорвалась единственным зеленым холодным содроганием. Словно по барабанным перепонкам ударили кулаки. Его ударило. И пальцы сами собой отдернулись от распростертого тела.

Он слышал дрожь жизни.

В глубине этого темного тела один только раз ударило сердце. Будто отдалось далекое эхо в морской пучине.

Смит мертв, не дышит, заостенел. Но внутри этой мумии сердце живет. Живет, встрепенулось, будто еще не рожденный младенец.

Пальцы Рокуэла, искусные пальцы хирурга, старательно ощупывают мумию. Он наклонил голову. В неярком свете волосы кажутся совсем темными, кое-где поблескивает седина. Славное лицо, открытое, спокойное. Ему около тридцати пяти. Он слушает опять и опять, на гладко выбритых щеках проступает холодный пот. Невозможно поверить такой работе сердца.

Один удар за тридцать пять секунд.

А дыхание Смита - как этому поверить? - один вздох за четыре минуты. Движение грудной клетки неуловимо. Ну а температура?

Шестьдесят. (По Фаренгейту, т. е. около 16С. - Ред.)

Хартли засмеялся. Не очень-то приятный смех. Больше похожий на заблудшее эхо. Сказал устало:

- Он жив. Да, жив. Несколько раз он меня едва не одурачил. Я вводил ему адреналин, пытался ускорить пульс, но это не помогало. Уже три месяца он в таком состоянии. Больше я не в силах это скрывать. Потому я тебе и позвонил, Рокуэл. Он... это что-то противоестественное.

Да, это просто невозможно, - и как раз поэтому Рокуэла охватило непонятное волнение. Он попытался поднять веки Смита. Безуспешно. Их затянуло кожей. И губы срослись. И ноздри. Воздуху нет доступа...

- И все-таки он дышит...

Рокуэл и сам не узнал своего голоса. Выронил стетоскоп, поднял и тут заметил, как дрожат руки.

Хартли встал над столом - высокий, тощий, измученный.

- Смит совсем не хотел, чтобы я тебя вызвал. А я не послушался. Смит предупредил, чтобы я тебя не вызывал. Всего час назад.

Темные глаза Рокуэла вспыхнули, округлились от изумления.

- Как он мог предупредить? Он же недвижим.

Исхудалое лицо Хартли - заострившиеся черты, упрямый подбородок, сощуренные в щелку глаза - болезненно передернулось.

- Смит... думает. Я знаю его мысли. Он боится, как бы ты его не разоблачил. Он меня ненавидит. За что? Я хочу его убить, вот за что. Смотри. - Он неуклюже полез в карман своего мятого, покрытого пятнами пиджака, вытащил блеснувший вороненой сталью револьвер.

- На, Мэрфи. Возьми. Возьми, пока я не продырявил этот гнусный полутруп!

Макгайр попятился, на круглом красном лице - испуг.

- Терпеть не могу оружие. Возьми ты, Рокуэл.

Рокуэл приказал резко, голосом беспощадным, как скальпель:

- Убери револьвер, Хартли. Ты три месяца проторчал возле этого больного, вот и дошел до психического срыва. Выспись, это помогает. - Он провел языком по пересохшим губам. - Что за болезнь подхватил Смит?

Хартли пошатнулся. Пошевелил непослушными губами. Засыпает стоя, понял Рокуэл. Не сразу Хартли удалось выговорить:

- Он не болен. Не знаю, что это такое. Только я на него зол, как мальчишка злится, когда в семье родился еще ребенок. Он не такой... неправильный. Помогите мне. Ты мне поможешь, а?

- Да, конечно, - Рокуэл улыбнулся. - У меня в пустыне санаторий, самое подходящее место, там его можно основательно исследовать. Ведь Смит... это же самый невероятный случай за всю историю медицины. С человеческим организмом такого просто не бывает!

Он не договорил. Хартли прицелился из револьвера ему в живот.

- Стоп. Стоп. Ты... ты не просто упрячешь Смита подальше, это не годится! Я думал, ты мне поможешь. Он зловредный. Его надо убить. Он опасен! Я знаю, он опасен!

Рокуэл прищурился. У Хартли явно неладно с психикой. Сам не знает что говорит. Рокуэл расправил плечи, теперь он холоден и спокоен.

- Попробуй выстрелить в Смита, и я отдам тебя под суд за убийство. Ты надорвался умственно и физически. Убери револьвер.

Они в упор смотрели друг на друга.

Рокуэл неторопливо подошел, взял у Хартли оружие, дружески похлопал по плечу и передал револьвер Мэрфи - тот посмотрел так, будто ждал, что револьвер сейчас его укусит.

- Позвони в госпиталь, Мэрфи. Я там не буду неделю. Может быть, дольше. Предупреди, что я занят исследованиями в санатории.

Толстая красная физиономия Мэрфи сердито скривилась.

- А что мне делать с пистолетом?

Хартли стиснул зубы, процедил:

- Возьми его себе. Погоди, еще сам захочешь пустить его в ход.

Рокуэлу хотелось кричать, возвестить всему свету, что у него в руках - невероятная, невиданная в истории человеческая жизнь. Яркое солнце освещало палату санатория; Смит, безмолвный, лежал на столе, красивое лицо его застыло бесстрастной зеленой маской.

Рокуэл неслышными шагами вошел в палату. Прижал стетоскоп к зеленой груди. Получалось то ли царапанье, то ли негромкий скрежет, будто металл касается панциря огромного жука.

Поодаль стоял Макгайр, недоверчиво оглядывал недвижимое тело, благоухал недавно выпитым в избытке пивом.

Рокуэл сосредоточенно вслушивался.

- Наверно, в машине скорой помощи его сильно растрясло. Не следовало рисковать...

Рокуэл вскрикнул.

Макгайр, волоча ноги, подошел к нему.

- Что случилось?

- Случилось? - Рокуэл в отчаянии огляделся. Сжал кулак. - Смит умирает!

- С чего ты взял? Хартли говорил, Смит просто прикидывается мертвым. Он и сейчас тебя дурачит...

- Нет! - Рокуэл выбивался из сил над бессловесным телом, пытался впрыснуть лекарство. Любое. И ругался на чем свет стоит. После всей этой мороки потерять Смита невозможно. Нет, только не теперь.

А там, внутри, под зеленым панцирем, тело Смита содрогалось, билось, корчилось, охваченное непостижимым бешенством, и казалось, в глубине глухо рычит пробудившийся вулкан.

Рокуэл пытался сохранить самообладание. Смит - случай особый. Обычные приемы скорой помощи не действуют. Как же тут быть? Как?

Он смотрит остановившимся взглядом. Окостенелое тело блестит в ярких солнечных лучах. Жаркое солнце. Сверкает, горит на стетоскопе. Солнце. Рокуэл смотрит, а за окном наплывают облака, солнце скрылось. В комнате стало темнее. И тело Смита затихает. Вулкан внутри успокоился.

- Макгайр! Опустит шторы! Скорей, пока не выглянуло солнце!

Макгайр повиновался.

Сердце Смита замедляет ход, удары его опять ленивы и редки.

- Солнечный свет Смигу вреден. Чему-то он мешает. Не знаю, отчего и почему, но это ему опасно... - Рокуэл вздыхает с облегчением. - Господи, только бы не потерять его. Только бы не потерять. Он какой-то не такой, он создает свои правила, что-то он делает такое, чего еще не делал никто. Знаешь что, Мэрфи?

- Ну?

- Смит вовсе не в агонии. И не умирает. И вовсе ему не лучше умереть, что бы там ни говорил Хартли. Вчера вечером, когда я его укладывал на носилки, чтобы везти в санаторий, я вдруг понял - Смигу я по душе.

- Бр-р! Сперва Хартли. Теперь ты. Смит тебе сам это сказал, что ли?

- Нет, не говорил. Но под этой своей скорлупой он не без сознания. Он все сознает. Да, вот в чем суть. Он все сознает.

- Просто-напросто он в столбняке. Он умрет. Больше месяца он живет без пищи. Это Хартли сказал. Хартли сперва хоть что-то вводил ему внутривенно, а потом кожа так затвердела, что уже не пропускала иглу.

Дверь одноместной палаты медленно, со скрипом отворилась. Рокуэл вздрогнул. На пороге, выпрямившись во весь свой немалый рост, стоял Хартли; после нескольких часов сна колючее лицо его стало спокойнее, но серые глаза смотрели все так же зло и враждебно.

- Выйдите отсюда, и я в два счета покончу со Смитом, - негромко сказал он. - Ну?

- Ни с места, - сердито приказал Рокуэл, подходя к нему. - Каждый раз, как явишься, вынужден буду тебя обыскивать. Прямо говорю, я тебе не доверяю. - Оружия у Хартли не оказалось. - Почему ты меня не предупредил насчет солнечного света?

- Как? - тихо, не сразу прозвучало в ответ. - А... да. Я забыл. На первых порах я пробовал передвигать Смита. Он оказался на солнце и стал умирать всерьез. Понятно, больше я не трогал его с места. Похоже, он смутно понимал, что ему предстоит. Может, даже сам это задумал, не знаю. Пока он не заостенел окончательно и еще мог говорить и есть, аппетит у него был волчий, и он предупредил, чтобы я три месяца его не трогал с места. Сказал, что хочет оставаться в тени. Что солнце все испортит. Я думал, он меня разыгрывает. Но он не шутил. Ел жадно, как зверь, как голодный дикий зверь, потом впал в оцепенение - и вот, полюбуйтесь... - Хартли невнятно выругался. - Я-то надеялся, ты оставишь его подольше на солнце и нечаянно угровишь.

Макгайр всколыхнулся всей своей тушей - двести пятьдесят фунтов.

- Слушайте... А вдруг мы заразимся этой смитовой болезнью?

Хартли смотрел на неподвижное тело, зрачки его сузились.

- Смит не болен. Неужели не понимаешь, тут же прямые признаки вырождения. Это как рак. Им не заражаешься, это в роду и передается по наследству. Сперва у меня не было к Смику ни страха, ни ненависти, это пришло только неделю назад - тогда я убедился, что он дышит, и существует, и процветает, хотя ноздри и рот замкнуты наглухо. Так не бывает. Так не должно быть.

- А вдруг и ты, и я, и Рокуэл тоже станем зеленые, и эта чума охватит всю страну, тогда как? - дрожащим голосом выговорил Макгайр.

- Тогда, если я ошибаюсь, - может быть, и ошибаюсь, - я умру, - сказал Рокуэл. - Только меня это ни капельки не волнует.

Он повернулся к Смику и продолжал делать свое дело.

Колокол звонит. Колокол. Два, два колокола. Десять колоколов, сто. Десять тысяч, миллион оглушительных, гремящих, лязгающих металлом колоколов. Все разом ворвались в тишину, воют, режут, отдаются мучительным эхом, раздирают уши!

Звенят, поют голоса, громкие и тихие, высокие и низкие, глухие и пронзительные. Бьют по скорлупе громадные хлопушки, в воздухе несмолкаемый грохот и треск!

Под трезвон колоколов Смит не сразу понимает, где же он. Он знает, ему ничего не увидеть, веки замкнуты, знает - ничего ему не сказать, губы срослись. И уши тоже запечатаны, а колокола все равно оглушают.

Видеть он не может. Но нет, все-таки может, и кажется - перед ним тесная багровая пещера, словно глаза обращены внутрь мозга. Он пробует шевельнуть языком, пытается крикнуть и вдруг понимает: язык пропал - там, где всегда был язык, пустота, щемящая пустота будто жаждет вновь его обрести, но сейчас - не может.

Нет языка. Странно. Почему? Смит пытается остановить колокола. И они останавливаются, блаженная тишина окутывает его прохладным покрывалом. Что-то происходит. Происходит. Смит пробует шевельнуть пальцем, но палец не повинует. И ступня тоже, нога, пальцы ног, голова - ничто не слушается. Ничем не шевельнешь. Ноги, руки, все тело - недвижимы, застыли, скованы, будто в бетонном гробу.

И еще через минуту страшное открытие: он больше не дышит. По крайней мере, легкими.

- Потому что у меня больше нет легких! - вопит он. Вопит где-то внутри, и этот мысленный вопль захлестнуло, опутало, скомкало и дремотно повлекло куда-то в глубину темной багровой волной. Багровая дремотная волна обволокла беззвучный вопль, скрутила и унесла прочь, и Смит стало спокойнее.

"Я не боюсь, - подумал он. - Я понимаю непонятное. Понимаю, что вовсе не боюсь, а почему - не знаю.

Ни языка, ни ноздрей, ни легких.

Но потом они появятся. Да, появятся. Что-то... что-то происходит."

В поры замкнутого в скорлупе тела проникает воздух, будто каждую его частицу покалывают струйки живительного дождя. Дышишь мириадами крохотных жабр, вдыхаешь кислород и азот, водород и углекислоту, и все идет впрок. Удивительно. А сердце как - бьется еще или нет?

Да, бьется. Медленно, медленно, медленно. Смутный багровый ропот возникает вокруг, поток, река... медленная, еще медленней, еще. Так славно. Так отдохновенно.

Дни сливаются в недели, и быстрее складываются в цельную картину разрозненные куски головоломок. Помогает Макгайр. В прошлом хирург, он уже многие годы у Рокуэла секретарем. Не бог весть какая подмога, но славный товарищ.

Рокуэл заметил, что хоть Макгайр ворчливо подшучивает над Смитом, но спокоен, даже очень. Силится сохранить спокойствие. А потом однажды притих, призадумался - и сказал неторопливо:

- Вот что, я только сейчас сообразил: Смит живой! Должен бы помереть. А он живой. Вот так штука!

Рокуэл расхохотался.

- А какого черта, по-твоему, я тут орудую? На той неделе доставлю сюда рентгеновский аппарат, посмотрю, что творится внутри Смитовой скорлупы.

Он ткнул иглой шприца в эту жесткую скорлупу. Игла сломалась. Рокуэл сменил иглу, потом еще одну и наконец проткнул скорлупу, взял кровь и принялся изучать образцы под микроскопом. Спустя несколько часов он преспокойно сунул результаты проб Макгайру, под самый его красный нос, заговорил быстро:

- Просто не верится. Его кровь смертельна для микробов. Я капнул взвесь стрептококков, и за восемь секунд они все погибли! Можно ввести Смиту какую угодно инфекцию - он любую бациллу уничтожит, он ими лакомится!

За считанные часы сделаны были еще и другие открытия. Рокуэл лишился сна, ночью ворочался в постели с боку на бок, продумывал, передумывал, опять и опять взвешивал потрясающие догадки. К примеру. С тех пор, как Смит заболел, и до последнего времени Хартли каждый день вводил ему внутривенно какое-то количество кубиков питательной сыворотки. Ни грамма этой пищи не использовано. Вся она сохраняется про запас - и не в жировых отложениях, а в совершенно неестественном виде: это какой-то очень насыщенный раствор, неведомая жидкость, содержащаяся у Смита в крови. Одной ее унции довольно, чтобы питать человека целых три дня. Эта удивительная жидкость движется в кровеносных сосудах, а едва организм ощутит в ней потребность, он тотчас ее усваивает. Гораздо удобнее, чем запасы жира. Несравнимо удобнее!

Рокуэл ликовал - вот это открытие! В теле Смита накопилось этого икс-раствора столько, что хватит на многие месяцы. Он не нуждается в пище извне.

Услыхав это, Макгайр печально оглядел свое солидное брюшко.

- Вот бы и мне так...

Но это еще не все. Смит почти не нуждается в воздухе. А нужное ему ничтожное количество впитывает, видимо, прямо сквозь кожу. И усваивает до последней молекулы. Никаких отходов.

- И ко всему, - закончил Рокуэл, - в последнем счете Смит, пожалуй, вовсе не надо будет, чтоб у него билось сердце, он и так обойдется!

- Тогда он умрет.

- Для нас с тобой - да. Для самого себя - может быть. А может, и нет. Ты только вдумайся, Макгайр. Что такое сейчас Смит? Замкнутая кровеносная система, которая сама собою очищается, месяцами не требует питания извне, почти не знает перебоев и совсем ничего не теряет, ибо с пользой усваивает каждую молекулу; система саморазвивающаяся и прочно защищенная, убийственная для любых микробов. И при всем при этом Хартли еще говорит о вырождении!

Хартли принял открытие с досадой. И твердил свое: Смит перестает быть человеком. Он выродок - и опасен.

Макгайр еще подлил масла в огонь:

- Почем знать, может, возбудителя этой болезни и в микроскоп не увидишь, а он, расправляясь со своей жертвой, заодно уничтожает все другие микробы. Ведь прививают же иногда малярию, чтобы излечить сифилис; отчего бы новой неведомой бацилле не пожрать все остальные?

- Довод веский, - сказал Рокуэл. - Но мы-то не заболели?

- Может быть, эта бактерия уже в нас, только ей нужен какой-то инкубационный период.

- Типичное рассуждение старомодного эскулапа. Что бы с человеком ни случилось, раз он не вмещается в привычные рамки, значит, болен, - возразил Рокуэл. - Кстати, это твоя мысль, Хартли, а не моя. Врачи не успокоятся, пока не поставят в каждом случае диагноз и не наклеят ярлычок. Так вот, по-моему, Смит здоров, до того здоров, что ты его боишься.

- Ты спятил, - сказал Макгайр.

- Возможно. Только Смит, я думаю, вовсе не требуется вмешательство медицины. Он сам себя спасает. По-вашему, это вырождение. А по-моему, рост.

- Да ты посмотри на его кожу, - почти простонал Макгайр.

- Овца в волчьей шкуре. Снаружи - жесткий, ломкий покров. Внутри - упорядоченная перестройка, преобразование. Почему? Я начинаю догадываться. Эти внутренние перемены в Смите так бурны, что им нужна защита, броня. А ты мне вот что скажи, Хартли, только честно: боялся ты в детстве насекомых - пауков и всякой такой твари?

- Да.

- То-то и оно. У тебя фобия. Врожденный страх и отвращение, и все это обратилось на Смита. Поэтому тебе и противна эта перемена в нем.

В последующие недели Рокуэл подробно разузнал о прошлом Смита. Побывал в лаборатории электроники, где тот работал, пока не заболел. Дотошно исследовал комнату, где Смит под присмотром Хартли провел первые недели своей "болезни". Тщательно изучил стоящий в углу аппарат. Что-то связанное с радиацией.

Уезжая из санатория, Рокуэл надежно запер Смита в палате и к двери приставил стражем Макгайра на случай, если у Хартли появятся какие-нибудь завиральные мысли.

Смиту тридцать два года, и жизнь у него была самая простая. Пять лет проработал в лаборатории электроники. Никогда серьезно не болел.

Шли дни. Рокуэл пристрастился к долгим одиноким прогулкам вдоль соседнего пересохшего ручья. Так он выкраивал время подумать, обосновать невероятную теорию, что складывалась у него все отчетливей.

А однажды остановился у куста жасмина, цветущего ночами подле санатория, поднялся на цыпочки и, улыбаясь, снял с высокой ветки что-то темное, поблескивающее. Осмотрел и сунул в карман. И прошел в дом.

Он позвал с веранды Макгайра. Тот пришел. За ним, бормоча вперемешку жалобы и угрозы, плелся Хартли. Все трое сели в приемной.

И Рокуэл заговорил.

- Смит не болен. В его организме не выжить ни одной бацилле. И никакие дьяволы, бесы и злые духи в него не вселились. Упоминаю об этом в доказательство, что перебрал все мыслимые и немыслимые возможности. И любой диагноз любых обычных болезней отбрасываю. Предлагаю

гораздо более важную и наиболее приемлемую возможность - замедленную наследственную мутацию.

- Мутацию? - не своим голосом переспросил Макгайр.

Рокуэл поднял и показал нечто темное, поблескивающее на свету.

- Вот что я нашел в саду, на кусте. Отлично подтверждает мою теорию. Я изучил состояние Смита, осмотрел его лабораторию, исследовал несколько вот этих штучек, - он повертел в пальцах темный маленький предмет. - И я уверен. Это метаморфоза. Перерождение, видоизменение, мутация - не до, а после появления на свет. Вот. Держи. Это и есть Смит.

И он кинул темную вещичку Хартли. Хартли поймал ее на лету.

- Это же куколка, - сказал Хартли. - Бывшая гусеница.

Рокуэл кивнул:

- Вот именно.

- Так что же, ты воображаешь, будто Смит тоже... куколка?!

- Убежден, - сказал Рокуэл.

Вечером, в темноте, Рокуэл склонился над телом Смита. Макгайр и Хартли сидели в другом конце палаты, молчали, прислушивались. Рокуэл осторожно ощупывал тело.

- Предположим, жить - значит не только родиться, протянуть семьдесят лет и умереть. Предположим, что в своем бытии человек должен шагнуть на новую, высшую степень, - и Смит первый из всех нас совершает этот шаг.

Мы смотрим на гусеницу и, как нам кажется, видим некую постоянную величину. Однако она превращается в бабочку. Почему? Никакие теории не дают исчерпывающего объяснения. Она развивается - вот что важно. Самое существенное: нечто будто бы неизменное превращается в нечто другое, промежуточное, совершенно неузнаваемое - в куколку, а из нее выходит бабочкой. С виду куколка мертва. Это маскировка, способ сбить со следа. Поймите, Смит сбил нас со следа. С виду он мертв. А внутри все соки клокочут, перестраиваются, бурно стремятся к одной цели. Личинка оборачивается москитом, гусеница бабочкой... а чем станет Смит?

- Смит - куколка? - Макгайр невесело засмеялся.

- Да.

- С людьми так не бывает.

- Перестань, Макгайр. Ты, видно, не понимаешь, эволюция совершает великий шаг. Осмотри тело и дай какое-то другое объяснение. Проверь кожу, глаза, дыхание, кровообращение. Неделями он запасал пищу, чтобы погрузиться в спячку в этой своей скорлупе. Почему он так жадно и много ел, зачем копил в организме некий икс-раствор, если не для этого перевоплощения? А всему причиной

- излучение. Жесткое излучение в Смитовой лаборатории. Намеренно он облучался или случайно, не знаю. Но затронута какая-то ключевая часть генной структуры, часть, предназначенная для эволюции человеческого организма, которой, может быть, предстояло включиться только через тысячи лет.

- Так что же, по-твоему, когда-нибудь все люди?..

- Личинка стрекозы не остается навсегда в болоте, кладка жука - в почве, а гусеница - на капустном листе. Они видоизменяются и вылетают на простор. Смит - это ответ на извечный вопрос: что будет дальше с людьми, к чему мы идем? Перед нами неодолимой стеной встает Вселенная, в этой Вселенной мы обречены существовать, и человек, такой, каков он сейчас, не готов вступить в эту Вселенную. Малейшее усилие утомляет его, чрезмерный труд убивает его сердце, недуги разрушают тело. Возможно, Смит сумеет ответить философам на вопрос, в чем смысл жизни. Возможно, он придаст ей новый смысл.

Ведь все мы, в сущности, просто жалкие насекомые и суедемся на ничтожно маленькой планете. Не для того существует человек, чтобы вечно прозябать на ней, оставаться хилым, жалким и слабым, но будущее для него пока еще тайна, слишком мало он знает.

Но измените человека! Сделайте его совершенным. Сделайте... сверхчеловека, что ли. Избавьте его от умственного убожества, дайте ему полностью овладеть своим телом, нервами, психикой; дайте ясный, пронизательный ум, неутомимое кровообращение, тело, способное месяцами обходиться без пищи извне, освоиться где угодно, в любом климате, и побороть любую болезнь. Освободите человека от оков плоти, от бедствий плоти, и вот он уже не злосчастное ничтожество, которое страшится мечтать, ибо знает, что хрупкое тело помешает ему осуществить мечты, - и тогда он готов к борьбе, к единственной подлинно стоящей войне. Заново рожденный человек готов противостоять всей, черт ее подери, Вселенной!

Рокуэл задохнулся, охрип, сердце его неистово колотилось; он склонился над Смитом, бережно, благоговейно приложил ладони к холодному недвижному панцирю и закрыл глаза. Сила, властная тяга, твердая вера в Смита переполняли его. Он прав. Прав. Он это знает. Он открыл глаза, посмотрел на Хартли и Макгайра: всего лишь тени в полутьме палаты, при завешенном окне.

Короткое молчание, потом Хартли погасил свою сигарету.

- Не верю я в эту теорию.

А Макгайр сказал:

- Почему ты знаешь, может быть, все нутро Смита обратилось в кашу? Делал ты рентгеновский снимок?

- Нет, это рискованно - вдруг помешает его превращению, как мешал солнечный свет.

- Так значит, он становится сверхчеловеком? И как же это будет выглядеть?

- Поживем - увидим.

- По-твоему, он слышит, что мы про него сейчас говорим?

- Слышит ли, нет ли, ясно одно: мы узнали секрет, который нам знать не следовало. Смит вовсе не желал посвящать в это меня и Макгайра. Ему пришлось как-то к нам приспособиться. Но сверхчеловек не может хотеть, чтобы все вокруг о нем узнали. Люди слишком ревнивы и завистливы, полны ненависти. Смит знает, если тайна выйдет наружу, это для него опасно. Может быть, отсюда и твоя ненависть к нему, Хартли.

Все замолчали, прислушиваются. Тишина. Только шумит кровь в висках Рокуэла. И вот он, Смит - уже не Смит, но некое вместилище с пометкой "Смит", а что в нем - неизвестно.

- Если ты не ошибаешься, нам, безусловно, надо его уничтожить, - заговорил Хартли. - Подумай, какую он получит власть над миром. И если мозг у него изменился в ту сторону, как я думаю... тогда, как только он выйдет из скорлупы, он постарается нас убить, потому что мы одни про него знаем. Он нас возненавидит за то, что мы провели его секрет.

- Я не боюсь, - беспечно сказал Рокуэл.

Хартли промолчал. Шумное, хриплое дыхание его наполняло комнату. Рокуэл обошел вокруг стола, махнул рукой:

- Пойдемте-ка все спать, пора, как по-вашему?

Машину Хартли скрыла завеса мелкого морозящего дождя. Рокуэл запер входную дверь, распорядился, чтобы Макгайр в эту ночь спал на раскладушке внизу, перед палатой Смита, а сам поднялся к себе и лег.

Раздеваясь, он снова мысленно перебирал невероятные события последних недель. Сверхчеловек. А почему бы и нет? Волевой, сильный...

Он улегся в постель.

Когда же? Когда Смит "вылупится" из своей скорлупы? Когда?

Дождь тихонько шуршал по крыше санатория.

Макгайр дремал на раскладушке под ропот дождя и грохот грома, слышалось его шумное, тяжелое дыхание. Где-то скрипнула дверь, но он дышал все так же ровно. По прихожей пронесся порыв ветра. Макгайр всхрапнул, повернулся на другой бок. Тихо затворилась дверь, сквозняк прекратился.

Смягченные толстым ковром тихие шаги. Медленные шаги, опасливые, крадущиеся, настороженные. Шаги. Макгайр мигнул, открыл глаза.

В полутьме кто-то над ним наклонился.

Выше, на площадке лестницы, горит одинокая лампочка, желтоватая полоска света протянулась рядом с койкой Макгайра.

В нос бьет резкий запах раздавленного насекомого. Шевельнулась чья-то рука. Кто-то силится заговорить.

У Макгайра вырвался дикий вопль.

Рука, что протянулась в полосу света, зеленая.

Зеленая!

- Смит!

Тяжело топая, Макгайр с криком бежит по коридору.

- Он ходит! Не может ходить, а ходит!

Всей тяжестью он налетает на дверь, и дверь распахивается. Дождь и ветер со свистом набрасываются на него, он выбегает в бурю, бессвязно, бессмысленно бормочет.

А тот, в прихожей, недвижим. Наверху распахнулась дверь, по лестнице сбегает Рокуэл. Зеленая рука отдернулась из полосы света, спряталась за спиной.

- Кто здесь? - остановясь на полпути, спрашивает Рокуэл.

Тот выходит на свет.

Рокуэл смотрит в упор, брови сдвинулись.

- Хартли! Что ты тут делаешь, почему вернулся?

- Кое-что случилось, - говорит Хартли. - А ты поди-ка приведи Макгайра. Он выбежал под дождь и лопочет, как полоумный.

Рокуэл не стал говорить, что думает. Быстро, испытующе оглядел Хартли и побежал дальше - по коридору, за дверь, под дождь.

- Макгайр! Макгайр, дурья голова, вернись!

Бежит под дождем, струи так и хлещут. На Макгайра наткнулся чуть не в сотне шагов от дома, тот бормочет:

- Смит... Смит там ходит...

- Чепуха. Просто это вернулся Хартли.

- Рука зеленая, я видел. Она двигалась.

- Тебе приснилось.

- Нет. Нет! - В дряблом, мокром от дождя лице Макгайра ни кровинки. - Я видел, рука зеленая, верно тебе говорю. А зачем Хартли вернулся? Ведь он...

При звуке этого имени Рокуэла как ударило, он разом понял. Пронзило страхом, мысли закружило вихрем - опасность! - резнул отчаянный зов: на помощь!

- Хартли!

Рокуэл оттолкнул Макгайра, рванулся, закричал и со всех ног помчался к санаторию. В дом, по коридору...

Дверь в палату Смита взломана.

Посреди комнаты с револьвером в руке - Хартли. Услыхал бегущего Рокуэла, обернулся. И вмиг оба действуют. Хартли стреляет, Рокуэл щелкает выключателем.

Тьма. И вспышка пламени, точно на моментальной фотографии высвечено сбоку застывшее тело Смита. Рокуэл метнулся в сторону вспышки. И уже в прыжке, потрясенный, понял, почему вернулся Хартли. В секунду, пока не погас свет, он увидел руку Хартли.

Пальцы, покрытые зеленой чешуей.

Потом схватка врукопашную. Хартли падает, и тут снова вспыхнул свет, на пороге мокрый насквозь Макгайр, выговаривает трясущимися губами:

- Смит... он убит?

Смит не пострадал. Пуля прошла выше.

- Болван, какой болван! - кричит Рокуэл, стоя над обмякшим на полу Хартли. - Великое, небывалое событие, а он хочет все погубить!

Хартли пришел в себя, говорит медленно:

- Надо было мне догадаться. Смит тебя предупредил.

- Ерунда, он... - Рокуэл запнулся, изумленный. Да, верно. То внезапное предчувствие, смятение в мыслях. Да. Он с яростью смотрит на Хартли. - Ступай наверх. Просидишь до утра под замком. Макгайр, иди и ты. Не спускай с него глаз.

Макгайр говорит хрипло:

- Погляди на его руку. Ты только погляди. У Хартли рука зеленая. Там в прихожей был не Смит - Хартли!

Хартли уставился на свои пальцы.

- Мило выглядит, а? - говорит он с горечью. - Когда Смит заболел, я тоже долго был под этим излучением. Теперь я стану таким... такой же тварью... как Смит. Это со мной уже несколько дней. Я скрывал. Старался молчать. Сегодня почувствовал - больше не могу, вот и пришел его убить, отплатить, он же меня погубил...

Сухой резкий звук, что-то сухо треснуло. Все трое замерли.

Три крохотных чешуйки взлетели над Смитовой скорлупой, покружили в воздухе и мягко опустились на пол.

Рокуэл вмиг очутился у стола, взгляделся.

- Оболочка начинает лопаться. Трещина тонкая, едва заметная - треугольником, от ключиц до пупка. Скоро он выйдет наружу!

Дряблые щеки Макгайра затряслись:

- И что тогда?

- Будет у нас сверхчеловек, - резко, зло отозвался Хартли. - Спрашивается: на что похож сверхчеловек? Ответ: никому не известно.

С треском отлетели еще несколько чешуек. Макгайра передернуло.

- Ты попробуешь с ним заговорить?

- Разумеется.

- С каких это пор... бабочки... разговаривают?

- Поди к черту, Макгайр!

Рокуэл засадил их обоих для верности наверху под замок, а сам заперся в комнате Смита и лег на раскладушку, готовый бодрствовать всю долгую дождливую ночь - следить, вслушиваться, думать.

Следить, как отлетают чешуйки ломкой оболочки, потому что из куколки безмолвно стремится выйти наружу Неведомое.

Ждать осталось каких-нибудь несколько часов. Дождь стучится в дом, струи сбегает по стеклу. Каков-то он теперь будет с виду, Смит? Возможно, изменится строение уха, потому что станет тоньше слух; возможно, появятся дополнительные глаза; изменится форма черепа, черты лица, весь костяк, размещение внутренних органов, кожные ткани; возможно несчетное множество перемен.

Рокуэла одолевает усталость, но уснуть страшно. Веки тяжелеют, тяжелеют. А вдруг он ошибся? Вдруг его домыслы нелепы? Вдруг Смит внутри этой скорлупы - вроде медузы? Вдруг он - безумный, помешанный... или совсем переродился и станет опасен для всего человечества? Нет. Нет. Рокуэл помотал затуманенной головой. Смит - совершенство. Совершенство. В нем нет места ни единой злой мысли. Совершенство.

В санатории глубокая тишина. Только и слышно, как потрескивают чешуйки хрупкой оболочки, падая на пол...

Рокуэл уснул. Погрузился во тьму, и комната исчезла, нахлынули сны. Снилось, что Смит поднялся, идет, движения угловатые, деревянные, а Хартли, пронзительно крича, опять и опять заносит сверкающий топор, с маху рубит зеленый панцирь и превращает живое существо в

отвратительное месиво. Снился Макгайр - бегаёт под кровавым дождем, бессмысленно лопочет. Снилось...

Жаркое солнце. Жаркое солнце заливает палату. Уже утро. Рокуэл протирает глаза, смутно встревоженный тем, что кто-то поднял шторы. Кто-то поднял... Рокуэл вскочил как ужаленный. Солнце! Шторы не могли, не должны были подняться. Сколько недель они не поднимались! Он закричал.

Дверь настежь. В санатории тишина. Не смея повернуть голову, Рокуэл косится на стол. Туда, где должен бы лежать Смит.

Но его там нет.

На столе только и есть, что солнечный свет. Да еще какие-то опустелые остатки. Все, что осталось от куколки. Все, что осталось.

Хрупкие скорлупки - расщепленный надвое профиль, округлый осколок бедра, полоска, в которой угадывается плечо, обломок грудной клетки - разбитые останки Смита!

А Смит исчез. Подавленный, еле держась на ногах, Рокуэл подошел к столу. Точно маленький, стал копаться в тонких шуршащих обрывках кожи. Потом круто повернулся и, шатаясь как пьяный, вышел из палаты, тяжело затопал вверх по лестнице, закричал:

- Хартли! Что ты с ним сделал? Хартли! Ты что же, убил его, избавился от трупа, только куски скорлупы оставил и думаешь сбить меня со следа?

Дверь комнаты, где провели ночь Макгайр и Хартли, оказалась запертой. Трясущимися руками Рокуэл повернул ключ в замке. И увидел их обоих в комнате.

- Вы тут, - сказал растерянно. - Значит, вы туда не спускались. Или, может, отперли дверь, пошли вниз, вломились в палату, убили Смита и... нет, нет.

- А что случилось?

- Смит исчез! Макгайр, скажи, выходил Хартли отсюда?

- За всю ночь ни разу не выходил.

- Тогда... есть только одно объяснение... Смит выбрался ночью из своей скорлупы и сбежал! Я его не увижу, мне так и не удастся на него посмотреть, черт подери совсем! Какой же я болван, что заснул!

- Ну, теперь все ясно! - заявил Хартли. - Смит опасен, иначе он бы остался и дал нам на себя посмотреть. Одному Богу известно, во что он превратился.

- Значит, надо искать. Он не мог уйти далеко. Надо все обыскать! Быстрее, Хартли! Макгайр!

Макгайр тяжело опустился на стул.

- Я не двинусь с места. Он и сам отыщется. С меня хватит.

Рокуэл не стал слушать дальше. Он уже спускался по лестнице, Хартли за ним по пятам. Через несколько минут за ними, пыхтя и отдуваясь, двинулся Макгайр.

Рокуэл бежал по коридору, приостанавливаясь у широких окон, выходящих на пустыню и на горы, озаренные утренним солнцем. Выглядывал в каждое окно и спрашивал себя: да есть ли хоть капля надежды найти Смита? Первый сверхчеловек. Быть может, первый из очень и очень многих. Рокуэла прошиб пот. Смит не должен был исчезнуть, не показавшись сперва хотя бы ему, Рокуэлу. Не мог он вот так исчезнуть. Или все же мог?

Медленно отворилась дверь кухни.

Порог переступила нога, за ней другая. У стены поднялась рука. Губы выпустили струйку сигаретного дыма.

- Я кому-то понадобился?

Ошеломленный Рокуэл обернулся. Увидел, как изменился в лице Хартли, услышал, как задохнулся от изумления Макгайр. И у всех троих вырвалось разом, будто под суфлера:

- Смит!

Смит выдохнул струйку дыма. Лицо ярко-розовое, словно его нажгло солнцем, голубые глаза блестят. Ноги босы, на голое тело накинута старый халат Рокуэла.

- Может, вы мне скажете, куда это я попал? И что со мной было в последние три месяца - или уже четыре? Тут что, больница?

Разочарование обрушилось на Рокуэла тяжким ударом. Он трудно глотнул.

- Привет. Я... То есть... Вы что же... вы ничего не помните?

Смит выставил растопыренные пальцы:

- Помню, что позеленел, если вы это имеете в виду. А потом - ничего.

И он взъерошил розовой рукой каштановые волосы - быстрое, сильное движение того, кто вернулся к жизни и радуется, что вновь живет и дышит.

Рокуэл откачнулся, бессильно прислонился к стене. Потрясенный, спрятал лицо в ладонях, тряхнул головой, потом, не веря своим глазам, спросил:

- Когда вы вышли из куколки?

- Когда я вышел... откуда?

Рокуэл повел его по коридору в соседнюю комнату, показал на стол.

- Не пойму, о чем вы, - просто, искренне сказал Смит. - Я очнулся в этой комнате полчаса назад, стою и смотрю - я совсем голый.

- И это все? - обрадованно спросил Макгайр. У него явно полегчало на душе.

Рокуэл объяснил, откуда взялись остатки скорлупы на столе. Смит нахмурился.

- Что за нелепость. А вы, собственно, кто такие?

Рокуэл представил их друг другу.

Смит мрачно поглядел на Хартли.

- Сперва, когда я заболел, явились вы, верно? На завод электронного оборудования. Но это же все глупо. Что за болезнь у меня была?

Каждая мышца в лице Хартли напряглась до отказа.

- Никакая не болезнь. Вы-то разве ничего не знаете?

- Я очутился с незнакомыми людьми в незнакомом санатории. Очнулся голый в комнате, где какой-то человек спал на раскладушке. Очень хотел есть. Пошел бродить по санаторию. Дошел до кухни, отыскал еду, поел, услышал какие-то взволнованные голоса, а теперь мне заявляют, будто я вылутился из куколки. Как прикажете все это понимать? Кстати, спасибо за халат, за еду и сигареты, я их взял взаймы. Сперва я просто не хотел вас будить, мистер Рокуэл. Я ведь не знал, кто вы такой, но видно было, что вы смертельно устали.

- Ну, это пустяки. - Рокуэл отказывался верить горькой очевидности. Все рушится. С каждым словом Смита недавние надежды рассыпаются, точно разбитая скорлупа куколки. - А как вы себя чувствуете?

- Отлично. Полон сил. Просто замечательно, если учесть, как долго я пробыл без сознания.

- Да, прямо замечательно, - сказал Хартли.

- Представляете, каково мне стало, когда я увидел календарь. Стольких месяцев - бац - как не бывало! Я все гадал, что же со мной делалось столько времени.

- Мы тоже гадали.

Макгайр засмеялся:

- Да не приставай к нему, Хартли. Просто потому, что ты его ненавидел...

Смит недоуменно поднял брови:

- Ненавидели? Меня? За что?

- Вот. Вот за что! - Хартли растопырил пальцы. - Ваше проклятое облучение. Ночь за ночью я сидел около вас в вашей лаборатории. Что мне теперь с этим делать?

- Тише, Хартли, - вмешался Рокуэл. - Сядь. Успокойся.

- Ничего я не сяду и не успокоюсь! Неужели он вас обоих одурачил? Это же подделка под человека! Этот розовый молодчик затеял такой страшный обман, какого еще свет не видал! Если у вас осталось хоть на грош соображения, убейте этого Смита, пока он не улизнул!

Рокуэл попросил извинить вспышку Хартли. Смит покачал головой:

- Нет, пускай говорит дальше. Что все это значит?

- Ты и сам знаешь! - в ярости заорал Хартли. - Ты лежал тут месяц за месяцем, подслушивал, строил планы. Меня не проведешь. Рокуэла ты одурачил, теперь он разочарован. Он ждал, что ты станешь сверхчеловеком. Может, ты и есть сверхчеловек. Так ли, эдак ли, но ты уже никакой не Смит. Ничего подобного. Это просто еще одна твоя уловка. Запутываешь нас, чтоб мы не узнали о тебе правды, чтоб никто ничего не узнал. Ты запросто можешь нас убить, а стоишь тут и уверяешь, будто ты человек как человек. Так тебе удобнее. Несколько минут назад ты мог удрать, но тогда у нас остались бы подозрения. Вот ты и дождался нас, и уверяешь, будто ты просто человек.

- Он и есть просто человек, - жалобно вставил Макгайр.

- Неправда. Он думает не по-людски. Чересчур умен.

- Так испытай его, проверь, какие у него ассоциации, - предложил Макгайр.

- Он и для этого чересчур умен.

- Тогда все очень просто. Возьмем у него кровь на анализ, прослушаем сердце, вприснем сыворотки.

На лице Смита отразилось сомнение.

- Я чувствую себя подопытным кроликом. Разве что вам уж очень хочется. Все это глупо.

Хартли возмутился. Посмотрел на Рокуэла, сказал:

- Давай шприцы.

Рокуэл достал шприцы. "Может быть, Смит все-таки сверхчеловек, - думал он. - Его кровь - сверхкровь. Смертельна для микробов. А сердцебиение? А дыхание? Может быть, Смит - сверхчеловек, но сам этого не знает. Да. Да, может быть..."

Он взял у Смита кровь, положил стекло под микроскоп. И сник, ссутулился. Самая обыкновенная кровь. Вводишь в нее микробы - и они погибают в обычный срок. Она уже не сверхсмертельна для бактерий. И неведомый икс-раствор исчез. Рокуэл горестно вздохнул. Температура у Смита нормальная. Пульс тоже. Нервные рефлексy, чувствительность - ни в чем никаких отклонений.

- Что ж, все в порядке, - негромко сказал Рокуэл.

Хартли повалился в кресло, глаза широко раскрыты, костлявыми руками стиснул виски.

- Простите, - выдохнул он. - Что-то у меня... ум за разум... верно, воображение разыгралось. Так тянулись эти месяцы. Ночь за ночью. Стал как одержимый, страх одолел. Вот и свалил дурака. Простите. Простите. - И уставился на свои зеленые пальцы. - А что ж будет со мной?

- У меня все прошло, - сказал Смит. - Думаю, и у вас пройдет. Я вам сочувствую. Но это было не так уж скверно... В сущности, я ничего не помню.

Хартли явно отпустило.

- Но... да, наверно, вы правы. Мало радости, что придется вот так заостенеть, но тут уж ничего не поделаешь. Потом все пройдет.

Рокуэлу было тошно. Слишком жестоко он обманулся. Так не щадить себя, так ждать и жаждать нового, неведомого, сгорать от любопытства - и все зря. Стало быть, вот он каков, человек, что вылутился из куколки? Тот же, что был прежде. И все надежды, все домыслы напрасны.

Он жадно глотнул воздух, попытался остановить тайный неистовый бег мысли. Смятение. Сидит перед ним розовощекий, звонкоголосый человек, спокойно покуривает... просто-напросто человек, который страдал какой-то кожной болезнью - временно отвердела кожа да еще под действием облучения разладилась на время внутренняя секреция, - но сейчас он опять человек как человек, и не более того. А буйное воображение Рокуэла, неистовая фантазия разыгрались - и все проявления странной болезни сложились в некий желанный вымысел, в несуществующее совершенство. И вот Рокуэл глубоко потрясен, взбудоражен и разочарован.

Да, то, что Смит жил без пищи, его необыкновенно защищенная кровь, крайне низкая температура тела и другие преимущества - все это лишь проявления странной болезни. Была болезнь, и только. Была - и прошла, миновала, кончилась и ничего после себя не оставила, кроме хрупких осколков скорлупы на залитом солнечными лучами столе. Теперь можно будет понаблюдать за Хартли, если и его болезнь станет развиваться, и потом доложить о новом недуге врачебному миру.

Но Рокуэла не волновала болезнь. Его волновало совершенство. А совершенство лопнуло, растрескалось, рассыпалось и сгнуло. Сгнула его мечта. Сгинул выдуманный сверхчеловек. И теперь ему плевать, пускай хоть весь свет обрастет жесткой скорлупой, позеленеет, рассыплется, сойдет с ума.

Смит обошел их всех, каждому пожал руку.

- Мне нужно вернуться в Лос-Анджелес. Меня ждет на заводе важная работа. Пора приступить к своим обязанностям. Жаль, что не могу остаться у вас подольше. Сами понимаете.

- Вам надо бы остаться и отдохнуть хотя бы несколько дней, - сказал Рокуэл, горько ему было видеть, как исчезает последняя тень его мечты.

- Нет, спасибо. Впрочем, этак через неделю я к вам загляну, доктор, обследуете меня еще раз, хотите? Готов даже с годик заглядывать, примерно раз в месяц, чтоб вы могли меня проверить, ладно?

- Да. Да, Смит. Пожалуйста, приезжайте. Я хотел бы еще потолковать с вами об этой вашей болезни. Вам повезло, что остались живы.

- Я вас подвезу до Лос-Анджелеса, - весело предложил Макгайр.

- Не беспокойтесь. Я дойду до Туджунги, а там возьму такси. Хочется пройтись. Давненько я не гулял, погляжу, что это за ощущение.

Рокуэл ссудил ему пару старых башмаков и поношенный костюм.

- Спасибо, доктор. Постараюсь как можно скорей вернуть вам все, что задолжал.

- Ни гроша вы мне не должны. Было очень интересно.

- Что ж, до свиданья, доктор. Мистер Макгайр. Хартли.

- До свиданья, Смит.

- До свиданья.

Смит пошел по дорожке к старому руслу, дно ручья уже совсем пересохло и растрескалось под лучами предвечернего солнца. Смит шагал непринужденно, весело, посвистывал. "Вот мне сейчас не свищется", - устало подумал Рокуэл.

Один раз Смит обернулся, помахал им рукой, потом поднялся на холм и стал спускаться с другой его стороны к далекому городу.

Рокуэл провожал его глазами - так смотрит малый ребенок, когда его любимое творение - замок из песка - подмывают и уносят волны моря.

- Не верится, - твердил он снова и снова. - Просто не верится. Все кончается так быстро, так неожиданно. Я как-то отупел, и внутри пусто.

- А по-моему, все прекрасно! - Макгайр радостно ухмылялся.

Хартли стоял на солнце. Мягко опущены его зеленые руки, и впервые за все эти месяцы, вдруг понял Рокуэл, совсем спокойно бледное лицо.

- У меня все пройдет, - тихо сказал Хартли. - Все пройдет, я поправлюсь. Ох, слава богу. Слава богу. Я не сделаюсь чудовищем. Я останусь самим собой. - Он обернулся к Рокуэлу. - Только запомни, запомни, не дай, чтоб меня по ошибке похоронили, ведь меня примут за мертвеца. Смотри, не забудь.

Смит пошел тропинкой, пересекающей сухое русло, и поднялся на холм. Близился вечер, солнце уже опускалось за дальние синеющие холмы. Проглянули первые звезды. В нагретом недвижимом воздухе пахло водой, пылью, цветущими вдали апельсиновыми деревьями.

Встрепенулся ветерок. Смит глубоко дышал. И шел все дальше.

А когда отошел настолько, что его уже не могли видеть из санатория, остановился и замер на месте. Посмотрел на небо.

Бросил недокуренную сигарету, тщательно затоптал. Потом выпрямился во весь рост - стройный, ладный, - отбросил со лба каштановые пряди, закрыл глаза, глотнул, свободно свесил руки вдоль тела.

Без малейшего усилия, - только чуть вздохнул теплый воздух вокруг, - Смит поднялся над землей.

Быстро, беззвучно взмыл он ввысь и вскоре затерялся среди звезд, устремляясь в космические дали...

Перевела с английского Нора Галь

Сила Любви

сказка

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал мудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он, — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам!

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее как никто доныне! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудился!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение умнейшему из граждан! — зывали риторы в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали

окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то непреодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что нужно людям сверх этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и звенящая песня его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Ведь душа наша — птица, жизнь — песня.

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Ермаков Олег Владимирович • Oleg V. Yermakov

Биографическая справка • Biographical information

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Член авторского сообщества Википедии. Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной — мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая — конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович — брат Нины Ивановны Королёвой (урожденной Котенковой), жены С.П. Королёва, в КБ которого в подмосковных Подлипках работала бабушка, пришедшая по рекомендации работавшей там Нины Ивановны, соседствовавшей с семьей Надежды Георгиевны в поселке Болшево Московской области (ныне часть г. Королёва). Покоряя Вселенную, в те нещедрые на житейские блага времена Надя Зарецкая, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее клочком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок в Болшево, где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, отец взрослого сына и дед троих внуков. Сейчас живу в Киеве.

Born in 1961 in Michurinsk, a town near Tambov, Russia, where I finished school. During my school years, I won the 7th USSR National School Essay Competition (1975). I graduated from the Kiev Taras Shevchenko State University with a Master's degree in Chemistry (1983). After 10 years in chemical industry in Ukraine, I decided to pursue a career in journalism, where I grew from a reporter to the editor-in-chief of a national magazine. I have a number of registered inventions. I am an author of a series of works about the Universe. My most important work, Planet Love. The basics of the Unified Field theory, or the Introduction to sacral linguistics, took me 22 years to write (1987 – 2009). Member of Wikipedia author community. Author of a published book of poetry Power of Love (2001). Professional caricaturist.

Researching the Universe is my primary occupation and a passion since college years. Passion for space runs in generations in my family: my grandmother Nadezhda Zaretskaya designed the aerial assembly of the first man-made Earth satellite, the launch of which started the space era of the humankind, and holds credit for a number of other space engineering inventions. Her husband, my grandfather Mikhail Zaretsky, is a brother of Nina Koroleva, wife of the great Sergey Korolev – it was in Korolev's Podlipki space design lab near Moscow that my grandmother worked all of her career until retirement. Despite her success conquering space, in those tough Soviet times, her biggest dream on our planet was to own a piece of land to grow a garden. Her dream eventually came true: through Sergey Korolev's patronage, the talented space engineer received a piece of land where she was finally able to grow a beautiful garden and build a house for her big family.

I live in Kiev with my wife. I am a father to a grown son and a grandfather of three.

Мой телефон:

+ 38 (066) 561-21-20

E-mail: hermakouti@ukr.net, nartin1961@gmail.com

Личный сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivals61.narod.ru>

